

1-й экз. 2

ГОЛОДОСЪ ЖИЗНИ

1915

№ 21

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
 ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

СОДЕРЖАНИЕ № 21.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Ред. „Послѣ похоронъ“.
Е. Д. Кускова. „Памяти друга“ (статья).
Ал. Борисовъ. „Суббота“. (Изъ путевыхъ впечатлѣній.) (Разсказъ).
М. Новорусскій. „Самодовлѣющее производство“ (статья).
Владимиръ Зыбинъ. „Суламита“ (стихотворенія).
П. Шутяновъ. „Война и культура“ (статья).
М. Толмачева. „Политики“ (разсказъ).
И. Каллининъ. „Солдаты съ того свѣта выходецъ“ (народная сказка).
Рюрикъ Ивневъ. „Игра тѣней“ (разсказъ).
Иннокентій Оксенъ. „Еще о молодежи“ (статья).
Мих. Сандомирскій. „Вѣрочка“ (разсказъ).
Вѣсти и мнѣнія. Д. Крючковъ. 1, „Тризна по Достоевскомъ“.
2. „Вечеръ новаго русскаго романа“.
Полрави.

Старая Италия. 5 рисунковъ Г. К. Лукомскаго (стр. 6, 7, 9, 11 и 12).

Г. Шегаль. „Портретъ“ (стр. 13).

Н. Коровинъ. „Рисунокъ“ (стр. 17).

ЗАСТАВКИ: Милашевскаго (стр. 14), Н. Смирнова (стр. 15).

Военныя иллюстраціи: „Парижъ. Посылка раненымъ букета ландышей“ (стр. 1), „Праздникъ союза физическаго воспитанія. Матчъ бокса въ Тюильери“ (стр. 5).

Адресъ Редакціи: Лиговская, 114, кв. 2, тел. 20-01. Съ 1-го мая приемные часы: по вторн. отъ 3-хъ до 6-ти. Рукописи, присылаемые въ Редакцію, должны быть четко написаны, черезъ страницу. На отвѣтъ прилагаются почтовыя марки. Непринятые рукописи хранятся въ теченіе мѣсяца, послѣ чего уничтожаются.

При семъ № 21 разсылается подписчикамъ четвертый выпускъ полнаго собранія сочиненій ЛЬВА ТОЛСТОГО, содержащій романъ „ВОЙНА и МИРЪ“ (т. 7 и 8).

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе:

Въ литературномъ отдѣлѣ:

Г. Адамовичъ, С. Андреевскій, Анна Ахматова, С. Ауслендеръ, Г. Бароновъ, В. Бестужевъ, Л. Берманъ, А. Блокъ, В. Бугачевскій, Н. Бородинъ, В. Брусянинъ, З. Венгерова, Б. Верхоустинскій, Б. Веселовскій, Л. Галичъ, В. Гиптусъ, З. Гиптусъ, Г. Георгіевскій, С. Городецкій, Л. Добронравовъ, Сергѣй Есенинъ, Борисъ Зайцевъ, И. Зейлингеръ, Георгій Ивановъ, В. Ирецкій, Р. Ивневъ, В. Каратыгинъ, В. Карачарова, А. Карташевъ, Н. Коробко, В. Кохановскій, Антонъ Крайни, Д. Крачковскій, Борисъ Кремневъ, Д. Крючковъ, М. Курчинскій, О. Ларинъ, Д. Левинъ, Н. Лернеръ, О. Мандельштамъ, Е. Мауринъ, А. Мейеръ, Д. Мережковскій, Д. Митрохинъ, М. Моравская, М. Новорусскій, Я. Окуневъ, І. Орбели, Е. Псковитиновъ, А. Ремизовъ, В. Ропшинъ, А. Ростиславовъ, Е. Семеновъ, М. Славинскій, Ю. Слезкинъ, Ю. Слонимская, Андрей Соболевъ, К. Соколовъ, П. Соловьева (Аллего), В. Соловьевъ, А. Тиняковъ, А. Толмачевъ, О. Форшъ, А. Чапыгинъ, Георгій Чулковъ, М. Шагинянь, Викторъ Шкловскій, К. Эрбергъ, Н. Ястребовъ и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ:

Н. Альтманъ, А. Арнштамъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Л. Бруни, Г. Верейскій, А. Гроссъ, М. Добужинскій, С. Ереминъ, А. Иванова, Л. Квятковскій, Коровкинъ, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, П. Митуричъ, М. Нечитайло-Андреевко, Б. Поповъ, Б. Позень, Е. Псковитиновъ, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, Щекотихина, В. Яннауеръ, С. Яремичъ и др.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полнаго собранія сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО съ пересылкой—8 р. 50 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го іюня—2 р., къ 1-го августа—1 р. Цѣна за 6 мѣс.—4 р. 25 к., за 3 мѣс.—2 р. 12 к.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ (безъ книгъ полнаго собранія сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО). Съ пересылкой: за годъ—4 р. 50 к., за 6 мѣс.—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к. Разсрочка допускается: при подпискѣ—2 р. 50 к., къ 1-го іюня—2 р.

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА необходимо прилагать СТАРЫЙ АДРЕСЪ и ТРИДЦАТЬ (30) коп. почтов. марками. Заявленія о неполученіи очереднаго номера необходимо дѣлать тотчасъ по полученіи номера, слѣдующаго за неполученнымъ. Позднѣйшія заявленія удовлетворены быть не могутъ.

Гг. ПОДПИСЧИКИ, БЛАГОВОЛИТЕ СОХРАНЯТЬ АДРЕСА

наклеиваемые на оболочку номеровъ журнала, и ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРИЛАГАЙТЕ ихъ ко ВСѢМЪ ЗАЯВЛЕНІЯМЪ, какъ напр. къ письмамъ о перемѣнѣ адреса, о неполученіи очередныхъ номеровъ, къ денежнымъ переводамъ и проч. Это условіе чрезвычайно ускорять всякія справки и способствуетъ быстрому удовлетворенію требованій.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ Г. САМАРОВА.

ТАЙНЫ императрицы ЕКАТЕРИНЫ II

до сихъ поръ открыты въ мемуарахъ, запискахъ и прочихъ историческихъ документахъ и чрезвычайно ярко обрисовывающія **ИНТИМНУЮ ЖИЗНЬ** этой великой женщины-правительницы и ея отношенія къ вѣрноподданамъ, въ настоящее время открыты, благодаря увлекательно изъясненнымъ историческимъ романамъ Г. САМАРОВА: **ПРИ ДВЕРѢ императрицы ЕЛИЗАВЕТЫ**, **НА ПОРОГѢ ТРОНА**, **ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ ПЕТРА III-го**, **АДЪЮТАНТЪ императрицы** и **ПОДЪ БѢЛЫМЪ ОРЛОМЪ**. Все эти романы написаны съ замѣчательной исторической правдой и полны захватывающаго интереса. Дополненіемъ этихъ произведеній является историческій романъ изъ польскаго возстанія 1830 г. **КОРЕНА ЯГЕЛЛОНОВЪ**. Кроме того въ собраніи сочиненій Г. САМАРОВА входятъ историческіе романы **ЗАМОНЪ ФЕЙ** и **ОКОЛО ТРОНА**. Цѣна за все СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ Г. САМАРОВА 3 р. 50 к. съ перес.

Требованія адресуются Акціонерному Обществу Издат. А. А. НАСІМОВА. Петроградъ, Лиговская ул., 114, и Садовая ул., 20.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

издаваемый Акц. Общ. Издательства А. А. Каспари въ Петроградѣ, при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Петроградъ.

№ 21

20 мая 1915 г.

ПОСЛѢ ПОХОРОНЬ.

Въ Духовъ день похоронили на Волковомъ кладбищѣ В. Я. Богучарскаго.

Было свѣтло, тепло. Кудрявились березки, и убогое, запущенное кладбище казалось уютнымъ, нестрашнымъ.

Рядомъ—могилы Глѣба Успенскаго, Михайловскаго, Павленкова. Нѣсколько поодаль лежатъ Тургеневъ, Кавелинъ, Салтыковъ-Щедринъ.

Говорили рѣчи. Но голосъ плохо слушался ораторовъ. Онъ прерывался отъ волненія. Потому что говорили люди близкіе къ покойному, друзья его. Потому что говорили не о «вождѣ», который еще при жизни стоялъ на пьедесталѣ, на нѣкоторомъ возвышеніи. Говорили о сотоварищѣ, соратникѣ, который только что стоялъ рядомъ съ нами. Близко-близко. А когда стоишь близко, то трудно соблюсти законы перспективы, опредѣлить объективно значеніе ушедшаго.

Но говорить мѣшало не только внутреннее вол-

неніе, не только личная боль утраты. Сложность и трагизмъ переживаемаго момента туманили мысль. Кто-то давно еще сказалъ: «Счастливые народы не имѣютъ исторіи». Какъ всѣ афоризмы, и этотъ старенькій афоризмъ одностороненъ. Одно несомнѣнно: современнымъ европейскимъ народамъ нелегко дается переживаніе всемірно-историческихъ событій. Они несоизмѣрны съ нашимъ маленькимъ «я», съ нашими личными, единичными усилиями. И хоронившіе незабвеннаго и незамѣнимаго Василія Яковлевича слишкомъ остро ощущали всеобщее недоуманіе, хаосъ сбившейся съ пути всемірной исторіи, чтобы разсказать слушателямъ о роли Богучарскаго въ исторіи русской, чтобы сдѣлать какіе нибудь общіе выводы, предугадать наши будущіе пути...

Въ ближайшемъ номерѣ «Голоса Жизни» мы дадимъ усиленную оцѣнку покойнаго, а пока обращаемъ вниманіе читателей на прекрасную статью Е. Д. Кусковой: «Памяти друга».

Ред.

ПАМЯТИ ДРУГА*).

Странное явленіе—смерть. Тысячи, десятки тысячъ людей умираютъ ежедневно въ смертномъ бою, а къ смерти все же нельзя привыкнуть, нельзя принять ее какъ что-то обычное, простое, мимо чего легко пройти. Сколько бы тысячъ, миллионновъ людей ни являли намъ мужество предъ лицомъ смерти, — смерть одного близкаго, любимаго все же поражаетъ сердце нестерпимой болью и покажется особенной, единственной, непонятной... Смотрю въ лицо дорогаго друга

* Съ разрѣшенія Е. Д. Кусковой перепечатываемъ статью ея, помѣщенную въ № 106 «Русск. Вѣд».

В. Я. Яковлева (Богучарскаго) и не могу понять, почему такъ странно-спокойно это всегда безпокойное и подвижное лицо, почему такъ плотно закрылись сѣрые глаза, почему все такъ неподвижно, такъ холодно, такъ безстрастно... А въѣдъ только что въ этой же самой оболочкѣ билось буйное сердце, даже въ тяжелой болѣзни такъ остро работали мозгъ и такъ широки и глубоки были замыслы. Нѣтъ, странное явленіе—смерть и привыкнуть къ ней нельзя никогда.

Въ лицѣ В. Я. Богучарскаго сходитъ со сцены яркій „общественникъ“, вся личная жизнь котораго была тѣсно

сплетена съ различными стадіями общественнаго движенія. Даже какъ писатель, какъ историкъ онъ развиваетъ свои недюжинныя силы лишь въ одномъ направленіи: его интересуетъ въ исторіи разгадка причинъ, приливовъ и отливовъ общественныхъ настроеній, психологіи общественныхъ движеній, характера взаимоотношеній народныхъ массъ и вождей, духовныхъ инспираторовъ той или иной идеи и широкихъ массъ, ее воспринимающихъ. Кропотливо выискивая все новые и новые матеріалы, В. Я. радовался, какъ дитя, при каждой новой находкѣ, приподнимающей завѣсу надъ прошлымъ и настоящимъ русской общественности. Это было не любопытство ученаго; это было пылливое исканіе дѣйствительнаго и наиболее близкаго пути къ той или другой цѣли общественнаго характера; это было настойчивое желаніе провѣрить, осознать, углубить свое собственное поведеніе и свои общественно-политическія убѣжденія. И никто такъ не цѣнилъ каждаго общественнаго дѣятеля, какова бы онъ ни былъ калибра, какъ В. Я. Онъ зналъ, что изъ множества малыхъ силъ, направленныхъ въ одну точку, слагается то большое, то великое, что запечатлѣвается затѣмъ какъ культурная цѣнность эпохи. Именно потому-то и прилипцались къ нему всякіе люди, что каждый изъ нихъ черпалъ въ немъ нѣчто цѣнное для себя,—апробацію своихъ общественныхъ начинаній, иногда критику, — но критику не убивающую, не уничтожающую человѣка,—совѣтъ, а иногда и прямое указаніе нужнаго пути. И такъ удивительно было смотреть, какъ устраивался салонъ предъ постелью этого смертельно раненаго болѣзнью человѣка, какъ онъ, все болѣе и болѣе съѣдаемый болѣзнью, живо реагируетъ на всѣ событія общественной жизни, какъ попрежнему остроумно дѣлится онъ своими мыслями съ многочисленными посѣтителями, почти не выходившими изъ его маленькаго кабинета.

Онъ сильно страдалъ отъ нездороваго развитія русской общественности, отъ всѣхъ эксцессовъ партійныхъ разногласій, часто принимавшихъ въ Россіи антикультурный характеръ. Его любимая тема—партійность и общественность. Онъ ясно видѣлъ, что Россія страдаетъ отъ недостатка культуры, отъ неразвитаго общественнаго сознанія, что именно на этой почвѣ подвергается гніенію партійность, столь необходимая въ здоровой атмосферѣ общественной жизни. Уже совсѣмъ больной и съ лицомъ землистаго цвѣта, онъ развивалъ эту тему 12-го марта этого года на собраніи на Калашниковской биржѣ въ память недавно погибшаго на полѣ брани А. М. Колюбакина. Въ партійныя рамки не укладывается вся культурная жизнь. Кромѣ партій, необходима широкая общественность и внѣпартійная культурная работа. Горячая призывая рѣчь В. Я., произнесенная глухимъ уже голосомъ, но проникновенно и значительно, была понята многочисленной аудиторіей, сильно взволновала ее и вызвала бурю восторга... И самъ онъ такъ жадно развивалъ въ людяхъ эту культурную общественность. Какъ сотрудникъ „Нашей Жизни“, „Товарища“, „Былого“ и другихъ изданій, какъ самый активный членъ „Совета“, „Союза освобожденія“, онъ былъ извѣстенъ всей интеллигентной Россіи. Демократъ и радикалъ, онъ сходилъ въ это время съ людьми весьма гедемократическаго склада, и ихъ умѣлъ онъ заставить дѣйствовать въ контактѣ съ общимъ движеніемъ. Эта его общественная функція,—умѣніе найти для всякаго дѣла подходящихъ людей, умѣніе спаять ихъ,—долго не будетъ замѣнена...

Когда началась война, В. Я. весь безъ остатка отдалъ ей. Какъ членъ и секретарь Вольнаго Экономическаго Общества, онъ нагромождалъ одну комиссію за другой, все одной цѣли: связаться съ тѣми, кто проливаетъ сейчасъ кровь, защищая страну, помочь тѣмъ, кто оставленъ домъ безъ работниковъ, безъ отцовъ, мужей и братьевъ. И какъ пламенно хотѣлъ онъ побѣды!

И билось его сердце въ униссонъ со сражающимися. Такъ шумно радовалось всякой побѣдѣ. Такъ настороженно-печально воспринимало всякую вѣсть о неудачѣ... И не увидѣть конца войны... Уже совсѣмъ больной, почти умирающій онъ жадно ловилъ свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій, никто и ничто не могло не могло убѣдить въ необходимости хотя сколько нибудь побережь себя отъ излишнихъ волненій.

Такъ шла эта жизнь среди широкихъ интересовъ, жизнь богатая, разнообразная, такъ много давшая людямъ и такъ мало требовавшая для себя. И странно: ни долгая ссылка въ Якутскую область, ни частыя преслѣдованія, иногда рѣзко обрывавшія начатую работу, ни разочарованія въ людяхъ въ ихъ преданности движенію, ни наконецъ матеріальныя недостатки, всегда посѣщающіе человѣка, живущаго исключительно своимъ трудомъ,—ничто не убило въ немъ поразительной жизнелюбности, юмора, юношескаго смѣха, легкости движенія, это — въ 55 лѣтъ. Веселый, нервный и вѣчно движущійся куда-то, В. Я. такъ хмурилъ брови, когда встрѣчался съ ипохондріей, съ растлѣніемъ души, съ неумѣніемъ брать жизнь пригоршнями, какъ бралъ ее онъ самъ. „Ахъ, какъ распускаютъ себя люди, какъ не умѣютъ они жить“,—говорилъ онъ и бѣжалъ въ комиссію, куда нибудь на засѣданіе, къ людямъ, къ свѣту, щедрому расходованію своей неистощимой энергии. А какъ онъ ненавидѣлъ всякую рисовку, всякую ложь... Самъ простой, ясный и правдивый онъ такъ проникательно взглядывалъ на актеровъ жизни такъ весело подтрунивалъ надъ всякими попытками залѣзть на пьедесталъ или накинуть на себя не нужную тогу,—и какъ трудно было намъ, близкимъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ лгать ему о его болѣзни. Какъ громомъ пораженные, неумолимымъ диагнозомъ врача, мы метались отъ одной знаменитости къ другой и отъ всѣхъ получали отвѣтъ: „Ракъ, ракъ“. А на постели—тогда же живой, жизнелюбивый другъ, заботливо охранявшій нашъ покой въ уходѣ за нимъ и вѣрившій,—да, горячо вѣрившій,—въ наши розсканія о сути его болѣзни. И до конца онъ не зналъ, что мы ему лгали,—ему, который не терпѣлъ лжи... И въ томъ, что онъ намъ повѣрилъ, что онъ до конца не узналъ истинны, мы снова увидѣли ту же жажду жизни, эту чарующую жизнелюбность, которая такъ поднимала окружающихъ его людей.

Теперь онъ спитъ вѣчнымъ сномъ, и такъ хочется простить у него прощенія за эту единственную ложь ему, за ту не сказанную тайну, которая насъ терзала. И онъ не простилъ бы насъ. Такъ любилъ онъ говорить: „Я не боюсь никакой бездны“, — и такъ мужественно-безстрашно принималъ бы онъ неизбежное. Но у насъ этого мужества не хватило... Хотѣлось навсегда сохранить въ памяти эти живые, милые глаза, такіе полные внутренняго огня и такіе чуждые смерти...

Спи же спокойно, дорогой другъ, столько горячей человѣческой любви осталось послѣ тебя.

Ек. Кускова.

А. Д. БОРИСОВЪ.

СУББОТА.

(Изъ путевыхъ впечатлѣній.)

Мѣстечко В. уютно и плотно улеглось въ небольшой котловинѣ посредиѣ кольца невысокихъ холмовъ. Съ востока это кольцо прерывается бойкимъ ручейкомъ, весело оббѣгающимъ мѣстечко. Домики приземистые, невзрачные, улочки кривыя и неопрятныя... Типичный городокъ Литвы.

Я попалъ туда лѣтнимъ временемъ, въ пятницу подъ вечеръ.

— Слушай, Хаймъ, гдѣ бы тутъ заночевать?—спросилъ я своего возницу, когда его полутелѣга-полукоряка зашрыгала по затвердѣлымъ ухамамъ немощеной улицы.

Хаймъ, высокий еврей съ крупными чертами лица, неторопливо обернулся:

— Какъ гдѣ?! Въ завѣжемъ домъ ребъ Мойше. Это же—настоящая гостиница!.. Въ самомъ Парижѣ лучше не найдете...

Я покорился волѣ своего Хайма.

„Гостиница“, правда, оказалась нѣсколько хуже парижскихъ отелей, но благо нашлась въ ней кое какая комнатка. Къ тому же мнѣ понравился хозяинъ, ребъ Мойше. Длинная, густая серебристая борода обрамляла его матовое взможденное лицо съ мягкимъ, нѣсколько грустнымъ выраженіемъ глазъ. Въ его размѣренной, сдержанной рѣчи, неторопливыхъ, увѣренныхъ движеніяхъ, въ самой посадкѣ съдой головы чувствовалась спокойная, незыблемая патриархальность.

Я выглянулъ въ открытое окно. Пыльная извилистая улица лежала въ золотистомъ озареніи лѣтнаго заката. Быстро проходили женщины въ платкахъ, нагруженные какими-то корзинками и пакетами, торопливо сновали евреи съ озабоченными лицами, съ протяжнымъ мычаніемъ плелись, поднимая струйки пыли, вернувшіяся съ пастбища коровы. Мирная мѣстечковая улочка зажила какой-то нервной жизнью...

Приближалась знаменитая еврейская суббота, которую евреи чествуютъ обыкновенно такъ сердечно, тепло и радостно. Я много слыхалъ о ней, но близко наблюдать ее пришлось мнѣ впервые. Я весь отдался впечатлѣніямъ.

Часъ спустя, просторная комната, служившая столовой, совершенно преобразилась. Выметенный полъ былъ посыпанъ мелкимъ песочкомъ, стулья и скамейки чинно стояли по стѣнамъ. Длинный столъ, покрытый бѣлой скатертью, былъ съ одного конца уставленъ четырьмя ярко блестящими мѣдными подвѣшниками, а съ другого—двумя продолговатыми булками, бережно прикрытыми салфеткой. Хозяйка дома—маленькая, сморщенная старушка—вставила восковыя свѣчки и зажгла ихъ. Затѣмъ она нѣсколько разъ обвела руками вокругъ трепетно мерцавшихъ язычковъ и приложила руки къ глазамъ. Я прислушался: въ тишинѣ явственно звучалъ благоговѣнный шепотъ молитвы.

Вскорѣ вернулся изъ синагоги съ вечерней молитвы ребъ Мойше со своими двумя взрослыми сыновьями. Онъ широко распахнулъ дверь и необычно для него звонко воскликнулъ:

— Гутъ шабесъ! Гутъ шабесъ!

Жена отвѣтила тѣмъ же привѣтствіемъ, тихо и ласково.

Увидѣвъ меня, онъ улыбнулся и сказалъ:

— Доброй субботы и вамъ, панъ! Отчего вы уходите?—остановилъ онъ меня, замѣтивъ мое движеніе.—Если хотите, сядьте съ нами къ столу. Попробуйте субботней фаршированной рыбы...

Я охотно согласился и поблагодарилъ.

Ребъ Мойше сталъ шагать по комнатѣ и залился не то молитвой, не то гѣсней: я могъ различить лишь часто повторяемые, уже знакомыя мнѣ слова „шоломъ алейхемъ“. Блѣдное лицо его зардѣлось, въ глазахъ свѣтилась кроткая

Парижъ. Посылка раненымъ букета ландышей.

улыбка. Иногда онъ поднималъ глаза къ потолку, и тогда его голосъ звучалъ настойчиво и призывно...

Домашніе въ глубокомъ молчаніи вслушивались въ слова этой пѣсни-молитвы.

— Извините, ребъ Мойше, о чемъ вы молились?—не удержался я, когда онъ ковчылъ и подошелъ къ столу.

— Я ангеловъ Господнихъ звалъ, чтобы пришли въ мой домъ встрѣчать субботу...—вразумительно отвѣтилъ ребъ Мойше.—Суббота—это данная Богомъ невѣста, израильскіи народъ—ея женихъ... А женихъ долженъ устроить невѣстѣ красивую встрѣчу: принарядиться, прибрать свой домъ, накрыть столъ, позвать побольше почетныхъ гостей и сказать невѣстѣ хорошее привѣтствіе... Суббота—это наша дорогая гостя. Какъ жилъ бы еврей безъ субботы? Суббота для еврея все равно, что ночью звѣзда для блуждающаго путника... Слава Богу, горя у еврея вдоволь... Всю недѣлю нарабатается, на-мается—только въ субботу и отдохнетъ. Душа его отдыхаетъ. Передъ Господомъ Богомъ ликуетъ... Великій Божій даръ—суббота, прекрасный даръ...

Неторопясь налилъ ребъ Мойше полный бокалъ изюмнаго вина, поставилъ бокалъ на выпрямленную ладонь и снова произнесъ молитву. И еще звонче, еще сочнѣе лились привѣтственные, напоенные радостью, звуки. Творца своего славословилъ старый ребъ Мойше. За великій даръ, прекрасный даръ...

— Аминь!—отозвались домашніе.

— Аминь!—невольно прошепталъ и я...

За столомъ мужчины усѣлись въ шапкахъ. Изъ-за уваженія къ обычаю то же сдѣлалъ и я.

Было весело и уютно. Шумно говорили, смѣялись, шутили, въ перерывахъ между блюдами пѣли какіе-то религиозные гимны—„змиройсь“, какъ объяснилъ мнѣ ребъ Мойше.

„Суббота вѣдь бываетъ каждую недѣлю,—мелькала въ моей головѣ недоумѣнная мысль.—А между тѣмъ радуются ей, словно долгожданному, рѣдкому празднику... Всѣ эти „змиройсь“, по словамъ старика,—это хвалебные гимны въ честь субботы. Они будутъ пѣться и завтра, до исхода праздника“...

— Скажите, ребъ Мойше, случается вѣдь у васъ какое либо большое горе. Неужели вы и тогда радуетесь субботѣ?..

— Случается ли горе, говорите?—усмѣхнулся ребъ Мойше, разглаживая свою бороду.—Оно не случается, оно всегда бываетъ, оно насъ никогда не покидаетъ... Но оно—будничное. Въ субботу горевать нельзя... Наши учителя говорятъ, что на субботній день въ еврея вселяется новая душа... Оттого-то ему и радостно.

Глядя въ искрящаяся улыбкой глаза ребъ Мойше, дѣйствительно начинаешь вѣрить, что въ немъ спятъ двѣ души—объ бодрія, жизнерадостныя, субботнія...

Ужинъ кончился молитвой. Ребъ Мойше грузно всталъ изъ-за стола, прошелся разъ по комнатамъ и прильнулъ къ открытому окну.

— Хорошо бы погулять...—мечтательно проговорилъ онъ.—На улицѣ теперь...

Но онъ вдругъ осѣкся.

— Ребъ Мойше!—крикнулъ кто-то со двора испуганнымъ голосомъ.—Ребъ Мойше!

Старикъ вздрогнулъ, высунулся въ окно и что-то быстро прокричалъ въ ночную тьму. Между нимъ и незримымъ собеседникомъ произошелъ краткій діалогъ. Онъ обернулся, разстроенный, и что-то печально сообщил женѣ и сыновьямъ. Тѣ тоже опечалились.

— Что такое, ребъ Мойше?—спросилъ я, крайне заинтересованный.

— „Эйрувъ“ оборвался... Крестьянскіе мальчишки, должно быть, его оборвали... Ну, что-жъ, обойдемся эту субботу и такъ...

— Что оборвалось?—не появляя я.

— Я и забылъ, панъ, что вы не знаете...—улыбнулся онъ.—Дѣло вотъ какое. Въ субботу работать строго воспрещается. Носить вещи можно только въ предѣлахъ двора. Выносить что либо на улицу уже нельзя. Это—очень древній законъ. Но его очень трудно соблюдать. Что же придумали наши учителя? Они были очень мудры и придумали вотъ что. Если-бъ весь городъ былъ окруженъ оградой, то онъ былъ бы подобенъ большому двору и въ немъ носить въ субботу не запрещалось бы. А огораживать вѣдь можно не только досками: достаточно натянуть проволоку па двухъ столбахъ—вотъ вамъ и ограда... Такъ мы и дѣлаемъ. За мѣстечкомъ ставимъ нѣсколько столбовъ, протягиваемъ проволоку—и готово! Вотъ эту проволоку мы называемъ „эйрувъ“.

— Такъ въ чемъ бѣда?—недоумѣвалъ я.—Можно исправить—и дѣлу конецъ.

— Въ субботу вѣдь исправить нельзя, а безъ „эйрувъ“ носить невозможно...—огорченно отвѣтилъ ребъ Мойше.

— Странно!—пожалъ я плечами.—Не проще ли отменить этотъ стѣснительный законъ? тогда никакой надобности въ столбахъ и проволокахъ не будетъ, и страха, что проволока оборвется, не будетъ! Къ чему вся эта возня?

— Нѣтъ, панъ!—серьезно возразилъ ребъ Мойше.—Законъ этотъ—очень древній, наши прадеды его соблюдали, отменить его невозможно. Да онъ насъ не стѣсняетъ. Проволока сама не оборвется—съ чего ей рваться-то? Вѣда только, что се обрываютъ... Есть такіе нехорошіе люди, что рады обидѣть еврея, хотя пользы имъ отъ этого никакой... Вотъ лѣтъ пять назадъ прислали къ намъ новаго урядника. Какъ увидѣлъ столбы съ проволокой, такъ и раскричался: „Что это за телеграфъ жида устроили? Убрать!“ Долго мы ему толковали, что это за штука такая. Никакъ не втолковали... Пришлось убрать. Помучились мы тогда... Что-жъ, видно такъ угодно было Богу...—закончилъ ребъ Мойше со вздохомъ.

Настала мгновенная тишина. Тѣмъ чего-то будничнаго, зловѣщаго и неузнаваемаго легла на величавый обликъ патриархальной субботы, легла и затуманила...

Въ напряженной тишинѣ вдругъ брызнули неудержимо-ликующимъ фонтаномъ какіе-то торжествующіе звуки задушевнаго, пѣвучаго речитатива. Они неслись изъ сосѣдней комнаты. Ребъ Мойше вслушался, и его морщинистое, блѣдное лицо повеселѣло, словно старая береза подъ упавшими на нее солнечными бликами.

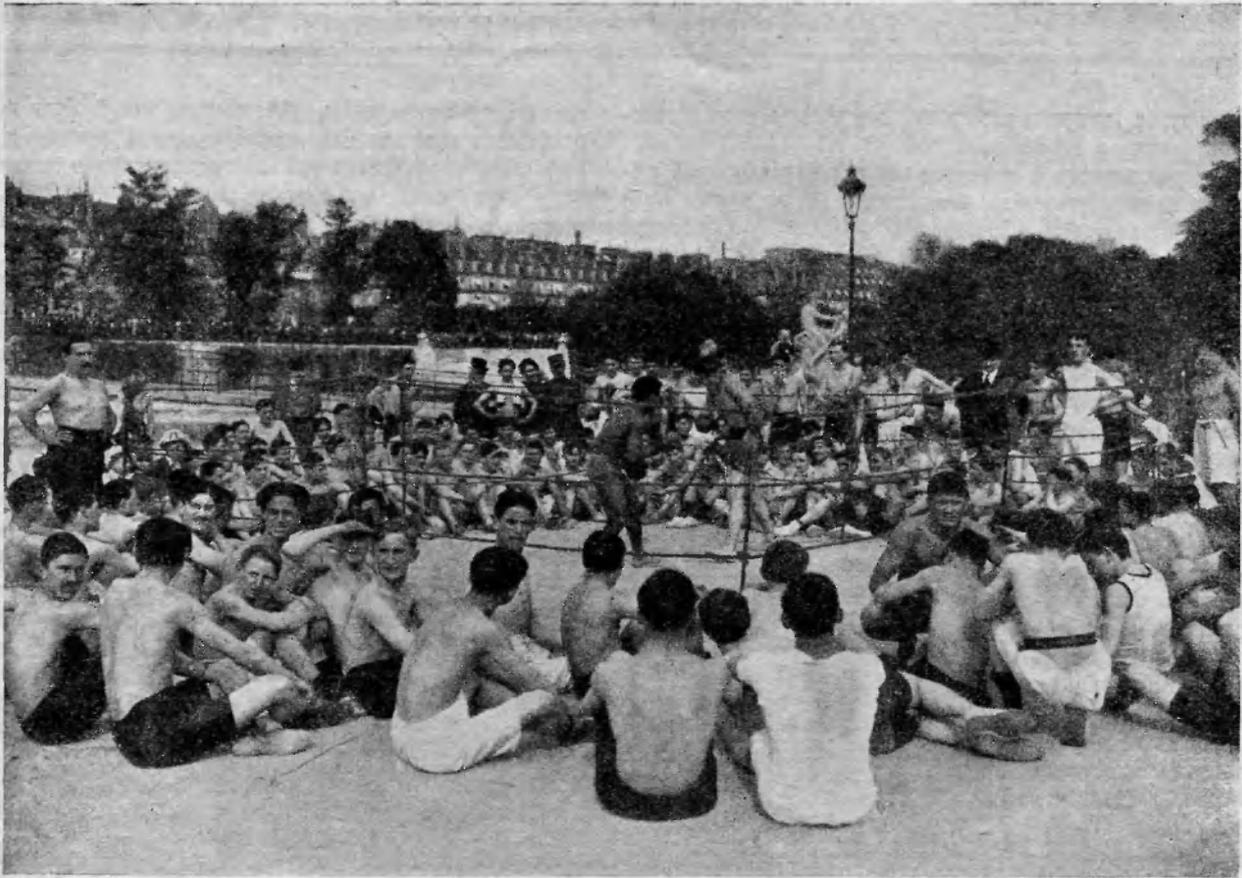
— Кто тамъ такъ странно поетъ?—полюбопытствовалъ я.

— Это сынъ мой Нохумъ талмудъ учитъ,—не безъ гордости объяснилъ старикъ.—Каждый субботній вечеръ учитъ...

— Вѣдь трудиться въ субботу строго запрещается!

— Ученіе—не трудъ. Ученіе—радость... А въ субботу нужно радоваться. Чѣмъ больше радости, тѣмъ лучше. У насъ и школы по субботамъ не закрыты. Послѣ полудня дѣти занимаются. Ученіе вѣдь—радость.

Задумчивый и отчего-то грустный стоялъ я около ребъ Мойше у окна и глядѣлъ вверхъ въ изсиня-черное широкое покрывало, блестящее серебристыми крапинками... Тихо дремала лѣтняя ночь, и ея дыханіе было спокойно, какъ у спящаго ребенка.

Праздникъ союза физическаго воспитанія. Матчъ бокса въ Тюльери.

М. НОВОРУССКІЙ САМОДОВДЬЮЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВО.

Никогда еще экономические вопросы не стояли предъ нами такъ остро, какъ въ настоящее время. И никогда они не занимали и не волновали такъ сильно широкіе общественные круги, какъ въ періодъ этой небывалой войны. Война открыла, затруднила или извратила естественные пути, по которымъ шли необходимые для всѣхъ продукты, и заставила насъ задуматься надъ такими вопросами, которые прежде интересовали только немногихъ.

Вопросы о секвестрѣ дѣльныхъ предриятій, о реквизиціяхъ, о патентахъ, о бойкотѣ нѣмецкихъ товаровъ, о тарифныхъ воинахъ и національномъ производствѣ постоянно пестрятъ на страницахъ газетъ и ежедневно выдвигаются жизнью въ разныхъ комбинаціяхъ. Чуть не при каждой покушкѣ недовольный обыватель узнаетъ, что товаровъ нѣтъ или очень мало, потому что нѣтъ привоза или нѣтъ доставки изъ за границы.

А ученые экономисты и промышленные круги спорятъ, можемъ ли мы все дѣлать сами, или же безъ за границы намъ обойтись невозможно. И если такъ, то зависимость отъ Германии не придется ли намъ смѣнить на какую нибудь другую? И на какую именно?

При этомъ споряще ставятъ вопросы въ общей формѣ, о возможности или невозможности самодовдющаго хозяйства для такой великой страны, какъ Россія.

Но вопросъ вовсе не въ этомъ. А въ томъ, возможно или невозможно продолжать долѣе анархію производства? Или же въ самую конструкцію его слѣдуетъ ввести опредѣленную плановѣрность, основанную на интересахъ страны и на интересахъ того же самого производства.

Анархія производства состоитъ въ томъ, что каждый, у кого есть капиталъ, знанія или достаточно энергіи, можетъ производить любой товаръ, на который есть спросъ, не заботясь объ интересахъ другихъ производителей, а тѣмъ болѣе — всей страны. Какъ онъ будетъ производить, гдѣ и при чемъ содѣйствіи, — до этого никому нѣтъ дѣла. И не было власти, которая стала бы вводить въ эти „частныя“ отношенія какую нибудь регулировку, за исключеніемъ общаго санитарнаго и противопожарнаго надзора.

Получалось изъ этого вотъ что. При добромъ содѣйствіи нашего западнаго услужливаго сосѣда каждая отрасль нашей промышленности устраивалась такимъ образомъ, что нѣко-

горя вѣсти ея, могущія разстроить все дѣло, всегда оставались въ рукахъ у германцевъ.

Для производителей, стремящихся только къ личной выгодѣ, это было рѣшительно безразлично. Имъ нужно было сырье либо элементы производства. Иногда даже одинъ единственный элементъ. Они покупали его по собственному усмотрѣнію тамъ, гдѣ легче и дешевле. У страны, съ которой неминуемо придется воевать, или у себя на родинѣ, — для нихъ это все равно. Они жили исключительно интересами своей выгоды и не заглядывали ни въ политику, ни въ дипломатию, которая учитываетъ общіе интересы страны.

И вотъ получился и явственно вскрылся наглядный результатъ такой беззаботности. А именно. Стекольная и фарфоровая промышленность не можетъ изготовлять множества продуктовъ, потому что для нея нехватаетъ сущаго пустяка — молотаго полевого шпата. Немолотаго у насъ его сколько угодно. Но эти промышленники никогда не интересовались, гдѣ онъ находится, потому что нѣмцы доставляли его имъ въ готовомъ видѣ.

Зеркальное производство страдаетъ отъ болѣе пустой вещи: ему недостаетъ войлочныхъ круговъ для шлифовки, хотя въ Россіи войлока не занимать.

Въ кожевенной промышленности, одной изъ самыхъ крупныхъ и самыхъ древнихъ, другая бѣда: ей нечѣмъ дубить кожъ. Она не только не заботилась о томъ, чтобы дубильныя вещества, растущія въ Америкѣ, шли къ намъ наиболѣе надежнымъ путемъ (на своихъ судахъ и черезъ свободные порты), но ея не беспокоило даже и то обстоятельство, что дубовая кора шла къ намъ изъ Германіи.

Сельско-хозяйственныя машины строились дома въ огромномъ количествѣ. Но строились такъ, что либо ножи къ нимъ, либо гайки привозились изъ Германіи. То есть при такой конструкции производства оно обречено было при самомъ началѣ на неминуемое разстройство. Еще удивительнѣе положеніе съ жатками. Совершенно готовыя ма-

шины не могутъ теперь дѣйствовать, потому что никто озаботился снабдить ихъ сноповязальнымъ шпагатомъ, который обычно привозили изъ за границы. Было такое удивленіе, что этотъ шпагатъ долженъ быть изъ манильскихъ пеньки, и никому въ голову не приходило попытаться сдѣлать его дома изъ домашнихъ матеріаловъ.

Въ желѣзной промышленности были не менѣе удивительныя вещи. Мы напримѣръ дѣлали сами желѣзные

ники для кипятка. Сидели же къ нимъ привозили изъ за границы. Точь-въ-точь, какъ въ сапожномъ или въ чачотномъ дѣлѣ, которое не могло выпустить на рынокъ ни одного своего продукта въ готовомъ видѣ, потому что кнопки (стержки) и пистоны (когда для шнурковъ) привозили изъ за границы.

Съ канцелярскими кнопками также въ Россіи. Посмотрите на нихъ, что можетъ быть легче сдѣлать такую кнопку. И мы пробовали. Только ленточную сталь, необходимую для этого, приходилось привозить изъ за границы.

Еще интересныя такими для всѣхъ иными бездѣлушками: какъ бензиновыя зажигалки. Десятки русскихъ людей, крѣпкихъ заднего ума, готовы были теперь ухватиться за это немудреное производство. Только не учли одной ничтожной мелочи: для этого требуется небольшое зернышко вѣрия, котораго въ Россіи не искали и не добывали, хотя на Уралѣ онъ имѣется.

Въ электрической промышленности

мы дѣйствовали такъ же точно, какъ съ чайниками и носками, т. е. дѣлали лампочки въ Москвѣ. Но стекляныя трубки, необходимыя для нихъ, привозили изъ Германіи. Это несмотря на то, что стекольныхъ заводовъ у насъ множество, и притомъ есть очень крупныя, и даже казенныя и что химическую посуду, всякія колы, реторты и грушевидныя сосуды мы умѣли дѣлать сами.

Я не стану болѣе увеличивать количество примѣровъ: хотя перечень ихъ, по конкретнымъ жалобамъ, я могъ сдѣлать очень длиннымъ. Могу смѣло сказать, что чуть

Г. К. Лукомскій. Мантуя. Ворота внутри двора Palazzo Gonsaga.

во всякой отрасли производства есть подобные же красочные примѣры: дѣлаемъ вещи сами, а гайки для насъ дѣлаютъ вѣмцы. Гайки здѣсь въ фигуральномъ смыслѣ. По-пятво, что, какъ только произошелъ разрывъ съ вѣмцами, наша промышленность и развилась, какъ механизмъ безъ гайки.

Значить, дѣло вовсе не въ томъ, что намъ нельзя обойтись безъ границы. Каждый понимаетъ, что мы не станемъ разводить кофе или фишки дома въ оранжереяхъ, или каучуковые лѣса — въ Туркестанѣ, гдѣ они все равно не вырастутъ. А дѣло въ томъ, что если ужъ мы начали что-нибудь производить сами, то нужно поставить это производство цѣлкомъ на собственные ноги. Выразаясь языкомъ Петра В.: „Все и начинать, ежели не кончать“!

Будетъ ли это очень выгодно для производителей, или не очень, но этотъ принципъ самодовлѣнія долженъ быть выясненъ заранее и, въ качествѣ безспорнаго, проведенъ въ жизнь.

И если онъ будетъ выдвинутъ на первый планъ, то анархія производства долженъ быть положенъ безвозвратный конецъ. По крайней мѣрѣ въ самыхъ крупныхъ отрасляхъ производства, снабжающихъ страну необходимѣйшими предметами потребления. Даже въ Англии, классической странѣ индивидуализма, при вскрытыхъ войною обстоятельствахъ, заговорили настойчиво о регламентаціи и о вмѣшательствѣ власти.

Легко или трудно осуществить это, да еще съ усилкомъ, — вопросъ внутренней политики. Но несомнѣнно долженъ быть созданъ такой органъ по промышленности, который сдѣлалъ бы специально за осуществленіемъ производства и въ заранѣе составленному плану направлялъ бы его къ общему, а не индивидуальной выгодѣ.

Какъ это сдѣлать, здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ. Но сдѣлать это нужно. Особенно это важно для такой страны, какъ Россія, у которой многія отрасли промышленности неразвиты или только что насаждаются и гдѣ стало привычнымъ требованіе — дѣлать только изъ русскихъ матеріаловъ или на русскихъ заводахъ.

Если устранить при этомъ элементъ монопольности и дать широкую свободу организации новыхъ промышленныхъ предпріятій, то легко избѣжать дороговизны продуктовъ, которая является неизбежнымъ спутникомъ всякой регламентаціи. Во всякомъ случаѣ принципъ самодовлѣющаго производства для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ производствъ не только осуществимъ, но и долженъ быть осуществленъ. И при томъ теперь же. Иначе вся наша промышленность будетъ зависѣть отъ международныхъ случайностей.

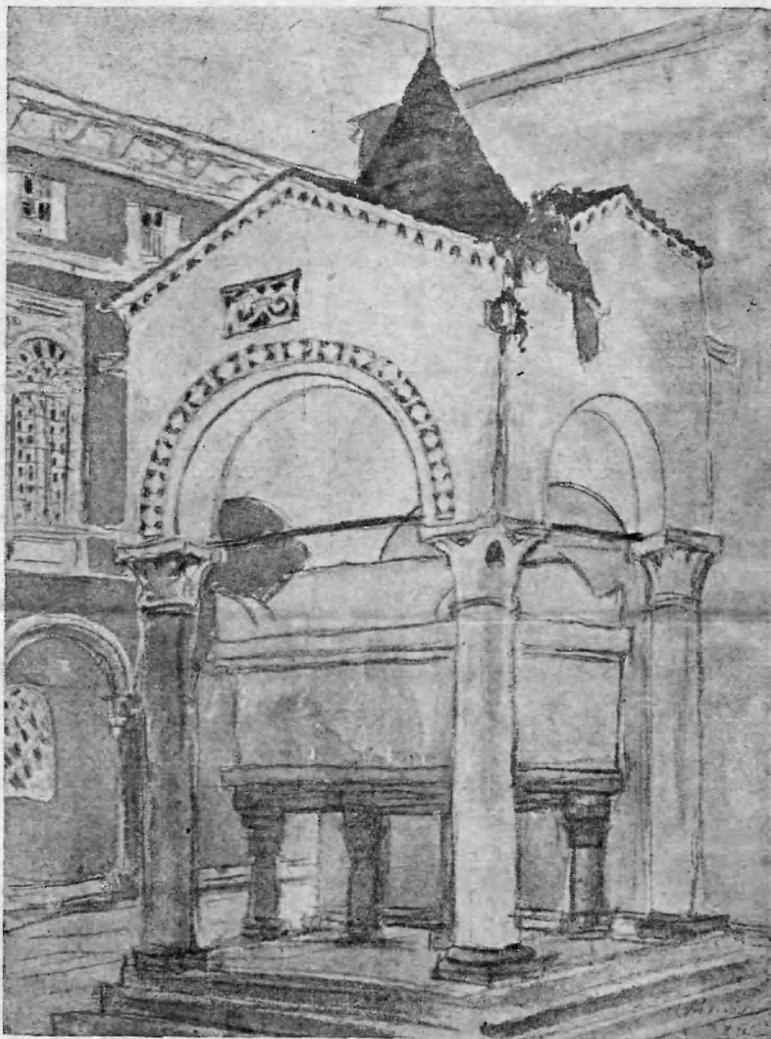
А страна, наученная горькимъ опытомъ, вынуждена будетъ и впредь жить подъ угрозой разстройства хозяйственныхъ функций, которыя заранѣе не были построены и налажены планомерно.

Война слишкомъ наглядно и слишкомъ всенародно показала результаты такой беззаботности и дезорганизованности. Хозяйственное дѣло страны стало предметомъ всенароднаго вниманія.

Нужно сдѣлать его также предметомъ народной заботливости и организованнаго народного контроля.

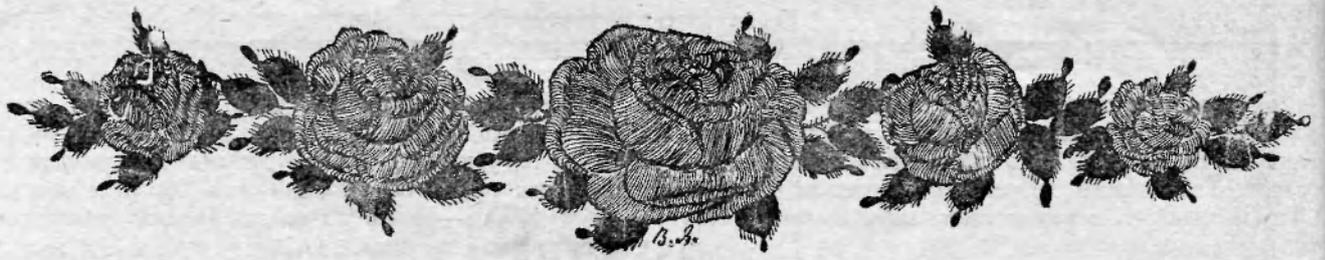
Тогда только могутъ не повториться тѣ кричащіе образцы непредусмотрительности, которыхъ нѣсколько примѣровъ я указалъ выше.

М. Новорусскій.

Г. К. Лукомскій. Падуя. Гробница Антенора.

ВЛАДИМИРЪ ЗЫБИНЪ.

СУЛАМИТА.

I.

Я—Нарциссъ Саррона, лилія долинь,
Я—олень на склонахъ бальзамичныхъ горъ.
Встань, о, Суламита, горлица равнины!
Я—Нарциссъ Саррона, лилія долинь.
Отомкни мнѣ двери, я томлюсь одинъ,
Лицъ узрѣть твой алчетъ ненасытный взоръ...
Я—Нарциссъ Саррона, лилія долинь,
Я—олень на склонахъ бальзамичныхъ горъ.

II.

Вотъ онъ стоитъ, какъ олень, за стѣною,
Смотритъ въ окно сквозь рѣшетку садовую,
Вѣетъ съ долины цвѣтущей весною...
Вотъ онъ стоитъ, какъ олень, за стѣною,
Льются въ окно ароматы волною,
Дверь я ему отворила кедровую...
Вотъ онъ стоитъ, какъ олень, за стѣною,
Смотритъ въ окно сквозь рѣшетку садовую.

III.

Возлюбленная, ты прекрасна!
Какъ горлицы, твои глаза,
Уста албютъ лентой красной,
Возлюбленная, ты прекрасна,
Меня плѣнила взоромъ яснымъ
И станомъ, гибкимъ, какъ лоза:
Возлюбленная, ты прекрасна,
Какъ горлицы, твои глаза.

IV.

Вино благовонно, какъ сотовый медъ,
Въ устахъ твоихъ, Суламита.
Возлюбленный царь твой взволнованно пьетъ
Вино твоихъ устъ, благовонныхъ, какъ медъ
Какъ голубь у чистыхъ источника водъ,
Прекрасна ты, дщерь именитыхъ...
Вино благовонно, какъ сотовый медъ,
Въ устахъ твоихъ, Суламита!

V.

Женихъ мой пасетъ среди лилій въ садахъ,
Величественъ видъ пастуха.
Зима миновала... долины въ цвѣтахъ,
Женихъ мой пасетъ среди лилій въ садахъ,
Какъ угли, горять у меня на устахъ
Лобзанья царя-жениха...
Онъ ланей пасетъ среди лилій въ садахъ,
Величественъ видъ пастуха.

VI.

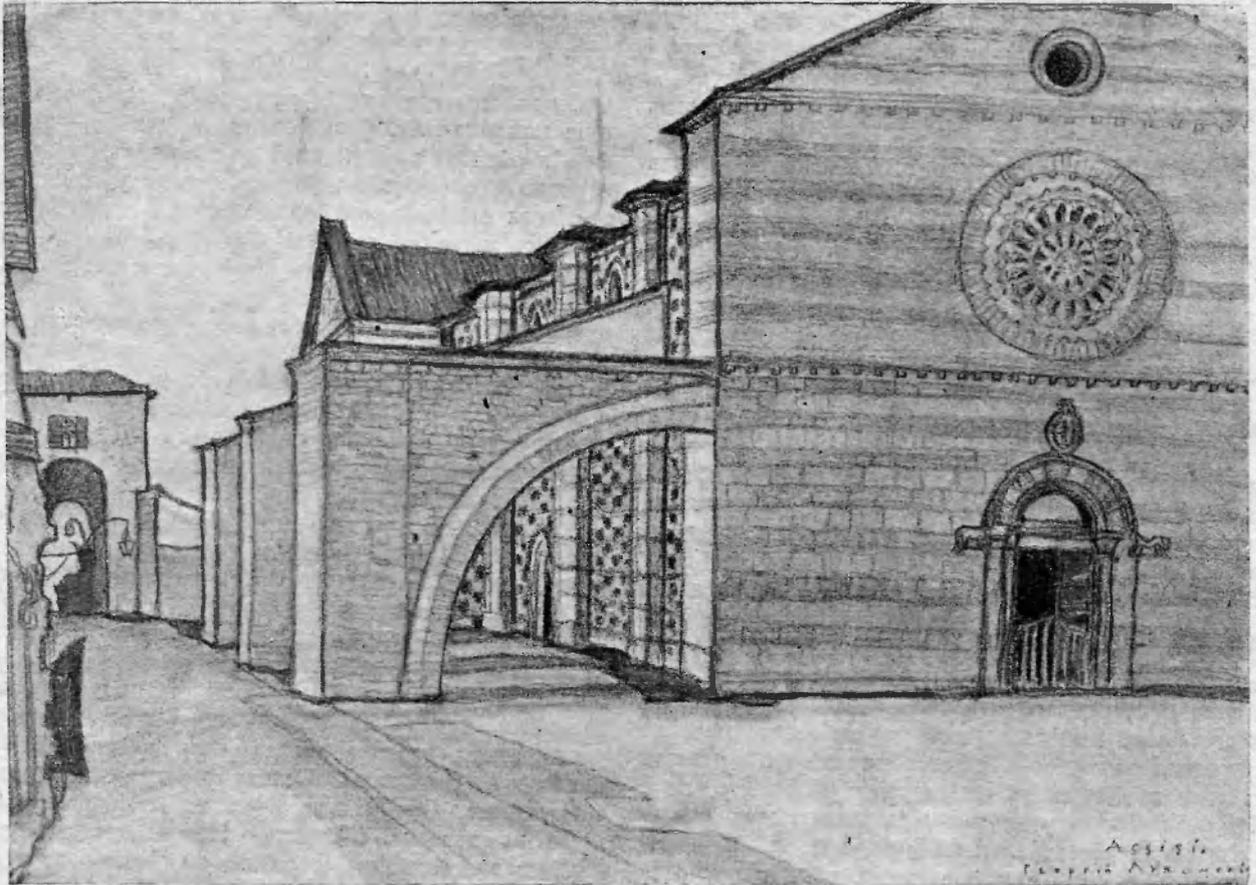
Утромъ сошла я въ орѣховый садъ
Взглянуть на зелень долины,
Льютъ мандрагоры цвѣтной ароматъ...
Утромъ сошла я въ орѣховый садъ,
Свѣжія листья пустилъ виноградъ,
Раскрылись почки маслины...
Утромъ сошла я въ орѣховый садъ
Взглянуть на зелень долины.

VII.

Мой возлюбленный, бѣлъ и румянъ,
Гордо стоитъ среди юношей знатныхъ,
Величавъ, какъ цвѣтущій Ливанъ...
Мой возлюбленный бѣлъ и румянъ,
Благовоненъ, какъ нарды, какъ шафранъ,
Крѣпокъ, какъ кедръ на горахъ ароматныхъ...
Мой возлюбленный, бѣлъ и румянъ,
Гордо стоитъ среди юношей знатныхъ.

В. Зыбинъ.

Г. К. Лукомскій. Ассизи. Санъ-Петроніо.

П. ШУТЯКОВЪ.

ВОЙНА И КУЛЬТУРА.

Къ числу тяжелыхъ и острыхъ вопросовъ, выдвинутыхъ высшей войной, принадлежитъ вопросъ о томъ, какъ сложатся послѣ нея взаимоотношенія народовъ, возстанутъ ли культурное общеніе между ними, или наступитъ періодъ рѣзкаго взаимнаго отчужденія. Дать на этотъ вопросъ сколько нибудь опредѣленный отвѣтъ въ настоящую минуту конечно нельзя; даже о ближайшемъ будущемъ Европы можно только сказать, что оно „иль смутно, иль темно“. Возстановленіе же нормальныхъ международныхъ отношеній потребуетъ во всякомъ случаѣ немало времени и будетъ зависѣть отъ цѣлага ряда условій, которыхъ нельзя предвидѣть. Тѣмъ не менѣе нельзя назвать безплодной попытку стокгольмской газеты „Svenska Dagbladet“ собрать по этому вопросу отзывы выдающихся представителей литературы и науки какъ въ воюющихъ, такъ и въ нейтральныхъ странахъ. Отвѣтовъ на свой запросъ шведская газета получила много, въ томъ числѣ отъ цѣлага ряда людей съ всемірно извѣстными именами. Они, разумѣется, не предвѣщаютъ будущаго, но все же даютъ интересный матеріалъ для оцѣнки настроенія культурныхъ слоевъ населенія въ различныхъ странахъ и уже

этимъ выясняютъ глубину и степень вызваннаго тяжелой борьбой взаимнаго ожесточенія.

Вполнѣ естественно, что мнѣнія отдѣльныхъ опрошенныхъ редакціей шведской газеты представителей науки и литературы разошлись между собой. Всѣ они носятъ чрезвычайно субъективный характеръ. И тѣмъ не менѣе даже представители враждующихъ странъ очень часто сходятся между собою. Всѣ конечно признаютъ, что пропасть, созданная войной между культурными народами, очень глубока. Это наложило печать и на самые отзывы. Цѣлый рядъ ученыхъ и писателей просто не считаетъ возможнымъ касаться теперь вопроса о будущихъ отношеніяхъ европейскихъ народовъ. Метерлинкъ напр. заявляетъ, что подобными вопросами могутъ заниматься развѣ лишь нейтральные народы. Народамъ же, которымъ приходится жертвовать всѣмъ для борьбы за свое національное существованіе, не до нихъ. Такъ же приблизительно думаетъ и знаменитый философъ Бергсонъ. Въ этомъ съ нимъ сходятся и германскій богословъ Гарнакъ, который вноситъ въ свой отзывъ лишь характерно-германскую ноту: „Мы должны во что бы то ни стало побѣдить. Въ Германіи

найдется лишь очень немного людей, которые думают о чем-либо другомъ“,—вотъ содержание его коротенькаго отвѣта.

Однако отзывы цѣлаго ряда другихъ нѣмецкихъ ученыхъ свидѣтельствуютъ, что Гарнакъ не совсѣмъ правъ. Нѣкоторые изъ нихъ прислали пространныя и обстоятельныя разсужденія о томъ, что нѣмцы вовсе не такіе „варвары“, какими ихъ теперь считаютъ за предѣлами Германіи, что они не меньше другихъ народовъ цѣнятъ культурное общеніе. Знаменитый филологъ Вилламовицъ-Мёллендорфъ высказался въ томъ смыслѣ, что научное общеніе между воюющими странами можетъ происходить при посредствѣ нейтральныхъ народовъ даже и теперь. Вопиющія выступленія отдѣльныхъ ученыхъ не должны оказывать неблагоприятнаго вліянія на отношенія представителей науки въ различныхъ воюющихъ странахъ. Философъ Рудольфъ Эйкенъ признаетъ, что пропасть, образовавшаяся вслѣдствіе войны между народами, глубока, но онъ вѣрится, что на смѣну періоду неаимости придетъ, согласно учению Эмпедокла, періодъ любви и что тогда совмѣстная культурная работа облегчитъ возстановленіе общенія между народами. Вѣрится въ возможность быстрого и сравнительно легкаго возстановленія научнаго общенія и химикъ Вильгельмъ Оствальдъ, несмотря на то, что война превратила его изъ ревностнаго сторонника мира въ воинствующаго пангерманиста; для облегченія его Оствальдъ готовъ даже прибѣгнуть къ особому международному языку.

Изъ французскихъ ученыхъ только сравнительно немногіе отозвались на запросъ „Svenska Dagbladet“. Самую непримиримую позицію среди нихъ занялъ академикъ Фредерикъ Масонъ: онъ прямо заявляетъ, что послѣ всѣхъ ужасовъ, учиненныхъ нѣмцами, французы могутъ вступать въ личныя отношенія только съ тѣми изъ нихъ, которые живутъ по лѣвую сторону Рейна, да и то только тогда, когда этотъ берегъ будетъ во владѣніи французовъ. Отзывъ этотъ остался однако единичнымъ. Что среди французскихъ ученыхъ есть и другое теченіе, свидѣтельствуетъ отвѣтъ извѣстнаго социолога Эмиля Дюркгейма. Дюркгеймъ пишетъ: „Наука требуетъ совмѣстной работы изслѣдователей всѣхъ странъ, это—необходимое условіе научнаго прогресса. Какъ только миръ дастъ намъ возможность вернуться къ обычному труду, мы обязаны выполнить нашъ долгъ передъ наукой и не будемъ уклоняться отъ этого“. Дюркгеймъ считаетъ однако пужнымъ добавить: „Но конечно не можетъ быть и рѣчи о томъ,

чтобы къ этой совмѣстной умственной дѣятельности присоединилась симпатія, благожелательное довѣріе,—не можетъ быть и рѣчи по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока германцы не стануть сожалѣть о позорныхъ дѣяніяхъ, которыми они заняли себя“. Въ сторонѣ отъ обобщенія теченій, представителями которыхъ являются Фредерикъ Масонъ и Эмиль Дюркгеймъ, стоитъ физиологъ Шарль Рише. Онъ вообще придаетъ мало значенія общенію ученыхъ и писателей. Массы и коллективы не обладаютъ, по его мнѣнію, ни разумомъ, ни творческими талантами. Всѣ великія произведенія науки и искусства зрѣли въ одиночествѣ, безъ помощи конгрессовъ и обществъ. А потому и весь вопросъ о возстановленіи культурнаго общенія его мало интересуетъ.

Съ большаго отзывчивостію отнеслись къ запросу „Svenska Dagbladet“ представители англійской науки и литературы. Цѣлый рядъ ихъ, и въ томъ числѣ знаменитый физикъ Релей, оксфордскій филологъ Муррей и манчестерскій физикъ Рутефордъ, смотритъ на дѣло довольно оптимистически, хотя и не скрываетъ отъ себя, что всеобщее ожесточеніе, вызванное нѣмецкимъ вандализмомъ является серьезнымъ препятствіемъ къ возстановленію доброжелательныхъ отношеній къ нимъ. Знаменитый романистъ Уэльсъ полагаетъ, что надъ возстановленіемъ культурнаго общенія между враждующими народами должны работать нейтральныя страны. Задачей же Англии и ея союзниковъ является сокрушеніе воинствующаго націонализма. Еще дальше идетъ въ отрицательномъ отношеніи къ нѣмцамъ знаменитый Рамсэй. Онъ считаетъ, что возстановленіе добрыхъ отношеній съ нѣмцами станетъ возможнымъ развѣ лишь черезъ нѣсколько поколѣній. Какіе либо международные конгрессы съ участіемъ нѣмцевъ представляются ему въ ближайшемъ будущемъ совершенно невозможными, онъ увѣренъ въ томъ, что въ случаѣ появленія на какомъ либо конгрессѣ нѣмцевъ или австрийцевъ всѣ другіе делегаты откажутся отъ участія.

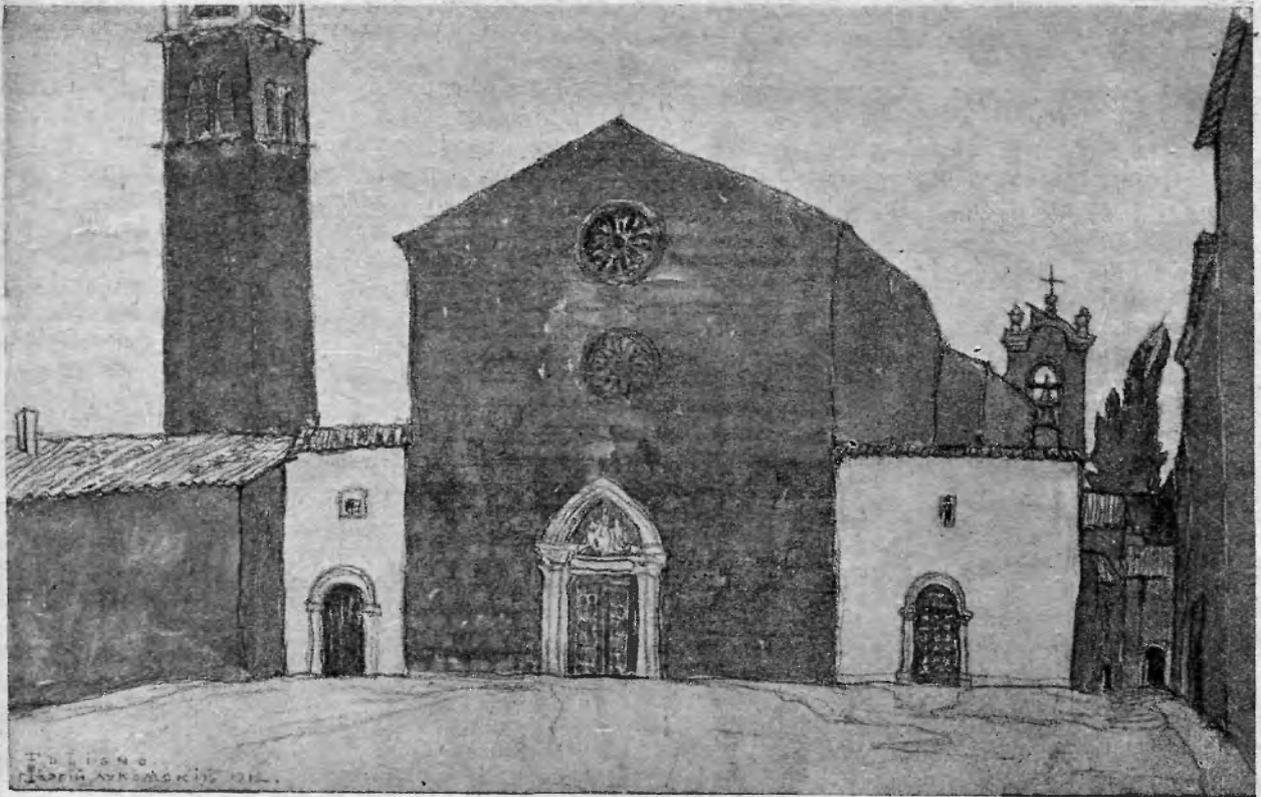
Можно ли изъ этихъ разнорѣчивыхъ и крайне субъективно окрашенныхъ отзывовъ сдѣлать какой либо общій выводъ? Конечно нельзя. Но они безусловно представляютъ интересъ. При той разобщенности, которая наблюдается теперь между культурными кругами даже дружественныхъ странъ, всякое подлинное свидѣтельство объ ихъ настроеніяхъ и взглядахъ на будущее имѣетъ несомнѣнную цѣнность.

Стокгольмъ.

П. Ш.

Деревянная гравюра изъ „Декамерона“ Боккаччо. Венеція. 1518 г.

Г. К. Лукомскіи. Фолиньо. Площадь предъ церковью.

М. ТОЛМАЧЕВА.

ПОДИТКИ,

Вечеръ субботы—самое лучшее время! Фрейлейнъ въ бѣлой ночной кофточкѣ, подсучивъ до локтя рукава, моетъ въ ваннѣ сперва Володьку, потомъ Бобу. Слышно оттуда, какъ они визжатъ и плещутъ водой. Паръ проникаетъ въ дѣтскую: туманятся и слезятся окна. Старшая, девятилѣтняя Танечка, терпѣливо ждетъ, похаживая съ разсѣяннымъ видомъ по комнатамъ, но нѣтъ-нѣтъ, да и прислушается: скоро ли?

Пока надо все-таки еще разокъ въ газету заглянуть: забыла она опять, какъ тотъ городъ называется, гдѣ сраженіе... ужасно трудное слово.

Мама лежитъ на кушеткѣ съ книгой, но не читаетъ, брови сдвинуты, на лбу складочка, глаза съезженные, точно она палецъ прищемила и ей больно. Смятые газетные листы валяются возлѣ, на столикѣ. Таня намѣчаетъ глазами и, будто невзначай, идетъ мимо, равнодушно мурлыча пѣсенку. Худая, цѣпкая лапка наготовѣ: схватить вотъ и... назадъ! Но когда ужъ совсѣмъ близко, встрѣчаетъ маминъ сердитый, страдающій взглядъ.

— Господи, что еще? минутки покоя не дадутъ!

— Я, мамочка, ничего!.. я такъ... вотъ газетку!

— Сколько разъ я тебѣ говорила: не смѣй трогать газетъ! Не могу я, чтобъ эготъ у... ужасъ.

Таня смотритъ, какъ кривятся губы у мамы. Ей неловко, словно совѣстно за нее немножко, но больше жалко. Конечно страшно: дядя Миша, любимый маминъ братикъ, молоденькій и шалунъ—всегда Таню на плечахъ таскалъ,—на войнѣ; другой дядя тоже на войнѣ, п тотъ баринъ, что съ лѣта часто у нихъ бывалъ по вечерамъ, тоже пріѣзжалъ прощаться вдругъ какъ военный и съ саблей. Его-то Танѣ не очень жалко: сама не знаетъ почему, всегда, когда онъ у нихъ, ей какъ-то скучно дѣлалось и тошно. Книжку открываетъ, невольно все однимъ ухомъ слушаетъ: какой у мамы голосъ новый, словно картавый немножко, и смѣется по-другому. И впередъ ужъ знаетъ Таня, что въ тотъ вечеръ нельзя будетъ, когда придетъ прощаться мама, долго дѣловать ее въ душку и, схвативъ за руку, удерживать возлѣ: „Погоди, мамочка, я вотъ что еще хотѣла спросить“.

Глаза у мамы будутъ такіе, словно издали она смотритъ и не видитъ. Пойдетъ Таня и подерется съ Володькой.

Когда тотъ баринъ пріѣзжалъ прощаться, папа тоже дома былъ. Дверь захлопнулась, а папа все стоялъ въ передней, и Таня, изъ складокъ портьеры, съ удивленіемъ и страхомъ видѣла, какъ на его лицѣ улыбка, такая, какъ всегда при гостяхъ, медленно вытягивалась въ другую, кривую и искривую.

— Скатертью дорога! Такимъ молодчикамъ полезно! соскочить...

Пейсно папа пробормоталъ, слово незнакомое.

— Что соскочить, папочка?—несмѣло переспросила Тая, не зная, съ нею ли онъ говоритъ, или нѣтъ.

У мамы въ тотъ день голова болѣла, за обѣдомъ фрейлейнъ супъ разливала, и утромъ съ Таней она не читала.

— Съ тобой не говорятъ! Вѣчно суешься, куда не спрашиваютъ! Кто тебя этому учить, хотѣлъ бы я знать?

Тая пугливо скользнула прочь, но одна долго думала:

„Что же это на войнѣ соскакиваетъ?“

Не отвѣтила бы—почему, если бы спросили, но твердо знала, что съ мамочкой объ этомъ нельзя...

Жалко ее было, слово тонко ныла внутри какая-то струпа. Нагнувъ голову къ своей чашкѣ молока, смотреть Тая утромъ неподобья, какъ блѣдыми руками быстро перебираетъ мама хрустящие газетные листы, читаетъ нѣсколько строкъ близорукими глазами и отбрасываетъ ихъ. Дрожить у губъ китайская чашечка.

Горячей жалостью пухнетъ сердце: обидѣли чѣмъ-то мамочку, защитить бы! Ткнется головой въ плечо, а что сказать—не знаетъ.

„И дядя Миша вернется, и дядя Петя вернется, и... тотъ“.

Всякій разъ тутъ въ мысляхъ занесется Тая. Совсѣмъ внутри чувствуетъ: нѣтъ, не хочеть она!

„Пусть бы и совсѣмъ не приѣзжалъ! Пусть бы мамочка всегда такая родная, милая, своя оставалась!—Но взгляньте,

какъ безучастная, похуѣвшая лежитъ она на кушеткѣ, и захолонеть сердце, и въ уголкѣ гдѣ нибудь крѣпко сжимаетъ руки.—Господи, пусть ужъ и оны!“—тайкомъ скажетъ, со скрытой неловкостью, съ покорностью горькой.

Все больше росла жалость, цѣпко обнимала сердце. Большое оно стало, и новая привычка у Тани: ходить, руки къ груди прижимаетъ, словно несетъ его, поддерживаетъ. Смотритъ, какъ по улицѣ проходятъ солдаты рядами, слушаетъ, что она за обѣдомъ расскажетъ, подбираетъ украдкой газету.

Сказать некому, а тѣсно внутри. Случайно застала свою фрейлейнъ въ слезахъ, съ тѣхъ поръ стало легче. Володька

и Боба ужъ спали: они всегда, какъ сурки! У Тани въ ваткѣ тянулася, повитая дремотой, длинная, смутная сказка вдругъ рыданья прервали. И фрейлейнъ долго сидѣла потомъ у нея, прижималась горячей щекой и шептала.

Прежде фрейлейнъ ихъ по-нѣмецки учила,—эту зиму ишла дѣти скопомъ ее по русски учить. Да она и не была совсѣмъ, нѣмкой прежде звалась, а теперь объяснила имъ дѣтямъ, что латыши—совсѣмъ другой народъ и нѣмцевъ не павидать.

Г. К. Лукомскій. Венеція. Санто-Франческо-дела-Винья. Постр. арх. Андреа Палладио (1508—1580).

Но газеты нѣмцы папа не давалъ читать, и фрейлейнъ чего совсѣмъ не знала. Еще жаднѣе стала Тая къ вѣстямъ.

Вечеръ субботы—самое лучшее время. Обыкновенно и поговоритъ почти не удается вѣчно этотъ Боба сътянется и дѣлать всякую куча: то учиться надо то гулять, то играть какою нибудь. Зато рады о субботѣ, и за обѣдомъ разглядываются и дѣлаютъ другъ другу украдкой тайные знаки.

Ванную вѣдь можно на крючокъ запретить, кто не войдетъ, не мѣшаетъ.

Вотъ и сегодня, не ждались наконецъ обѣда. Пока Тая раздѣвдала, попробовала длинной, тонкой ножкой воду—не горячая ли?—фрейлейнъ же сняла кофточку, красная, распаренная сидѣла и отдыхала, упиравъ на колѣна тонкие руки.

Ну, вотъ! Тая пригнула въ теплую ванну захотѣла отъ удовольствия, брыкнула два раза ногами, такъ что брызги поднялись фонтаномъ, потомъ повернула къ фрейлейнъ смѣющуюся мокрое лицо:

— Ну, вотъ! Сейчасъ буду рассказывать!

— Сперва голова!—и фрейлейнъ потянулася за мыломъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, а то я забуду: такія трудныя слова я на бумажку списала... Ахъ, въ дѣтской забыла! Ну, равно! Такъ вотъ: наши дѣла опять очень хороши. Око Вислы...—сосредоточенно хмурясь, говоритъ Тая, старается не пропустить ничего, чувствуетъ порой, что не такъ какъ то зовутся эти города и мѣстечки, но съипитъ, глотаетъ слова и тѣмъ усерднѣе налегаетъ на описательную часть.

— Вы подумайте, фрейлейночка, какъ это должно было странно! Пушекъ съ тысячу заразъ стрѣляютъ! Летитъ ядро

Г. Шегаль. „Портретъ“.

гудь столько, вотъ какъ... комаровъ лѣтомъ! Падаютъ люди, кто убить, кто раненъ.

— Ахъ, schrecklich!

Жадно слушавшая фрейлейнъ вдругъ никнетъ и закрываетъ лицо рукой. Таня нѣсколько озадачена успѣхомъ. Она растерянно мигаешь и замолкаетъ сконфуженно. Какъ это она забыла, что у фрейлейнъ братъ на войнѣ и „брейтигамъ“, тотъ усатый молодой человекъ, что виситъ надъ кроватью въ рамочкѣ, шитой гарусомъ. Таня старается поправить ошибку.

— Это я про тѣхъ, про нѣмцевъ рассказывала!—виновато говоритъ она.—Наши въ окопахъ сидятъ. Знаете, фрейлейночка? Наши вѣдь—ужасно хитрые: у нихъ такія глубокія ямы, окопы называются. Я вамъ покажу въ „Нивѣ“.

— Надо голову мыть!—мрачно говорить фрейлейнъ по-нѣмецки.—Сиди смиренно и закрой глаза!

Разговоръ прекращается, но мысли бѣгутъ. Ахъ, если бы танина воля, запретила бы она сейчасъ эту противную войну! Ужъ какъ нибудь да помирила бы всѣхъ! Можно бы объяснить, какъ стыдно... И мамочка была бы рада! Опять бы улыбалась, приходила въ дѣтскую въ блошки играть. Всегда бывало Бобъ проигрываетъ, такая вѣдь хитрая! А теперь жалко! всѣхъ жалко! чѣмъ же и нѣмцы виноваты? вѣдь и они — хорошие! Годъ тому назадъ ѣздили Таня съ мамой лѣтомъ за границу и тамъ такъ съ одной Амальхенъ подружались, что до этого года другъ другу открытки посылали. Что-то теперь Амальхенъ? неужто ей кушать нечего? Ой, сейчасъ заплачетъ Таня!.. И глаза-то тронуть нельзя, а то мыло попадетъ. „К-шш“,—льетъ фрейлейнъ воду, цѣлый водопадъ. Задерживаетъ духъ Таня, потому слѣно тянется рукой.

— Ахъ, глаза вытереть!—и, снова зрячая, быстро оборачивается къ фрейлейнъ.—А вы сами, вы очень не любите нѣмцевъ?

— Ужъ-жасно!—старательно выговариваетъ та, намыливая мочалку.—Повернись спиной, Таня!

— А за что? развѣ они вамъ что нибудь сдѣлали?

Фрейлейнъ вдругъ опускаетъ мочалку.

— Когда я была дѣтя, мой отецъ арендовалъ мельницу у барона!—говоритъ она быстро по-нѣмецки, но Таня не прерываетъ: обожаетъ, когда рассказываютъ, какъ были маленькіе!—Мамаша, мои братья и я—мы всѣ страшно боялись ба-

рона. Онъ бранился и кричалъ, какъ труба. Разъ было рождеше Фрица, моего брата. Мамаша испекла отличныя пфанкухенъ. Только что мы всѣ сѣли за столъ, какъ вдругъ отворяется дверь и входитъ баронъ, и за нимъ его собака „Пуншъ“. Онъ говорить что-то отду, потомъ глядитъ на насъ. Мамаша дѣлаетъ книксъ, беретъ блюдо и предлагаетъ барону. О, пфанкухенъ были такіе, что никому не совѣстно! И тотъ взялъ... Ахъ, Танхенъ, взялъ и... бросилъ „Пуншу“! Отецъ мой сталъ бѣлымъ, какъ бумага. Мамаша схватила его за руку... Мы много плакали потомъ... О, я никогда не забуду!..

Фрейлейнъ нервно шипитъ мочалку, мыльная пѣна каплетъ съ рукъ. Таня медленно опускаетъ глаза и думаетъ. Молча даетъ тереть себѣ спину, послушно подставляетъ руки и ноги. Потомъ спрашиваетъ тихонько:

— Фрейлейночка, а если бы вы могли сдѣлать все, что хотите, что сдѣлали бы вы съ ихъ Вильгельмомъ?

Та сдвигаетъ брови, стараясь придать своему бѣлокурому, потному личику свирѣпое выраженіе.

— О, я-бъ его посадила въ тюрьму! въ самую крѣпкую! и на всю жизнь!.. и бароновъ тоже!

— Ну, что-жъ въ тюрьму?—пожимаетъ Таня мокрыми плечками.—Онъ тамъ такой же и останется, еще злѣе!..

Она видимо придумала что-то получше, но выжидаешь, глядя немножко лукавыми и торжествующими глазами.

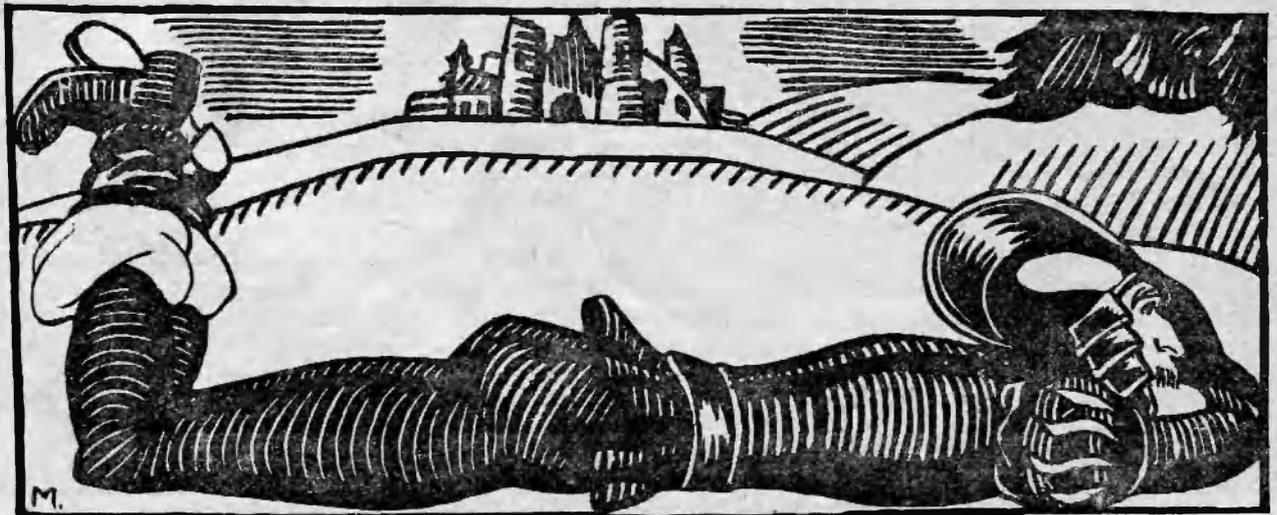
И такъ какъ фрейлейнъ молчитъ, то рѣшительно объявляетъ:

— А я бы хотѣла, чтобъ онъ сдѣлался, какъ Власъ! Я съ мамочкой учила... Сперва онъ очень плохой былъ, а потомъ раскаялся и... и сталъ безъ шапки ходить, сталъ копеечки собирать на церковь и... очень добрый сдѣлался! Вотъ какъ я хочу!

— Сядь, ты простудишься! Все глупости! зачѣмъ кайзеру твои копеечки?... Довольно болтать! ужъ поздно! надо скорѣе выходить! Становись, руки по швамъ!

Фрейлейнъ устала... она не знаетъ никакого Власа... дѣтскія бредни прискучили ей вдругъ. Захотѣлось быть одной, улечься на свою узкую кровать, поплакать въ подушку, чтобъ не слышали чужіе. И торопливо беретъ она кувшинъ съ теплой водой и съ шумомъ опрокидываетъ его на вытянувшуюся голенькую фигурку.

М. Толмачева.

Г. КАЛЛИНИКОВЪ.

СОЛДАТЪ-СЪ ТОГО СВѢТА ВЫХОДЕЦЪ.

(Записана въ с. Милечь, Трубчевск. у., Орл. губ., въ 1914 г.)

Иночь солдатъ домой, отслуживши, зашелъ въ деревню на барскіи домъ. Помѣщика дома не была—одна старуха-мать. Онъ сказалъ:

— Здравствуге, бабушка, дайте служивому подкрѣпится. Она посадила за столъ, дала ѣсть, пить, спрашиваетъ:

— Съ откуда, служивый, идешь?

— Я, бабушь,—съ таво свѣта выходець.

— Што тамъ дѣлается? Тамъ мой родименькш, у меня сынъ умеръ, Нестерь, што тамъ дѣлаетъ?

— Охъ, бабъ, на томъ свѣтѣ горюють, а ужъ твой Нестерь хуже всѣхъ: у тваво Нестера дѣтей шестера, да всѣ голопузья ходять.

— Охъ, родименькш мой, да не снесешь ли ты яму адежншкш да дьянъжонокъ.

— Все, бабушка, снясу, и денегъ, и адежу, давай па-больши.

Она забрала всю адежду сына (памѣщика) и отдала яму. Денегъ хотѣла взять, а шкатулка заперта,—всю отдала. Онъ распростился и ушелъ. Приѣзжаетъ сынъ—она яму хвалитъ:

— Вотъ тваму брату Нестеру отаслала и адежду, и деньги; тамъ у яго дѣтей шестера, всѣ голопузья ходять.

А онъ говоритъ:

— Кто у тебе былъ, кто говорилъ тебѣ?

— Солдатъ служивенькш.

Помѣщикъ догадался, што ее обманулъ, и приказалъ лошадей запрягать, догонять солдата. Поѣхали, нагоняють яво, а онъ сталъ подъ березку.

— Здравствуге! Не видали тутъ солдатъ проходиль.

(А онъ передѣлъ все у другую адежду).

— Видаль, пошелъ сюда, только вы наврядъ яво догоните.

— Такъ садись съ нами, поѣдемъ.

— Нѣтъ, мнѣ приказано отъ сваво барина березку караулить.

— Садись съ мавмъ кучеромъ, догоняй, а я березку постерягу.

Какъ солдатъ сѣлъ, кучера скинулъ да и поѣхалъ съ тройкой. Кучерь возвратился опять домой, другую тройку заложилъ и опять догонять. А солдатъ ту продалъ, опять пьянкомъ нашель. Доходптъ да мельницы—по пути была. Тамъ былъ мельникъ, лысый старикъ. Вдругъ солдатъ видить, опять нагоняетъ баринъ. Онъ говоритъ мельнику:

— Утйкай скарѣй, а то плѣшивыхъ ловять.

Онъ побѣжалъ, да въ лѣсъ, влѣзъ на дерево, сидить. Баринъ подѣзжаетъ, спрашиваетъ:

— Не видаль ли челавѣка тутъ, проѣзжалъ?

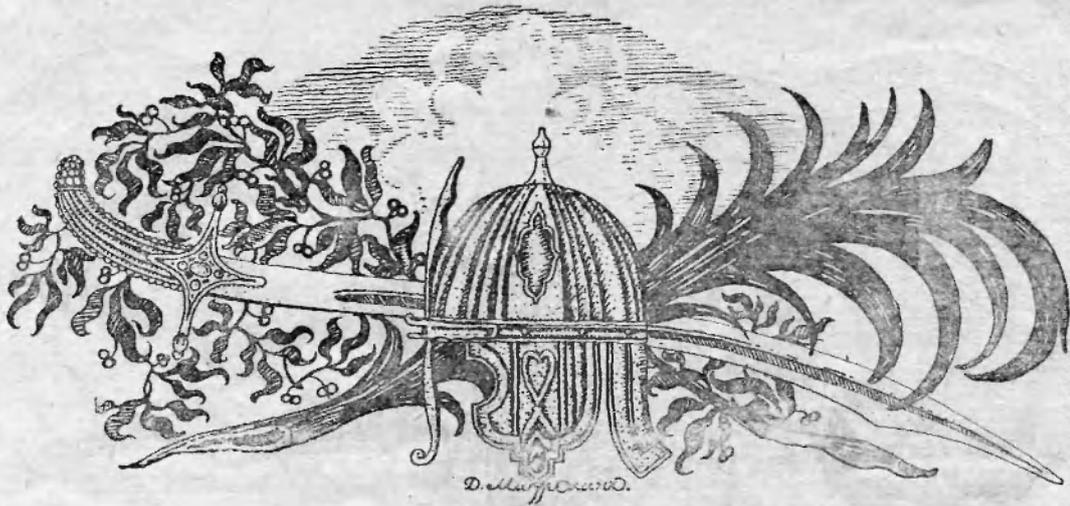
— Вонъ нидавно побѣжалъ въ лѣсъ, скарѣй—настигнете, только нельзя на лошадихъ проѣхать.

Баринъ оставилъ тройку и побѣжалъ въ лѣсъ съ кучеромъ. Солдатъ сѣлъ на тройку—п былъ таковъ. Они подѣзжали къ березкѣ—сидить плѣшивый старикъ. Сняли яво и давай бить. Старикъ давай кричать. Набѣжали люди, давай барина бить. Пакуда разобрались, обоимъ бока набили и обѣ тройки пропали, и ни сталъ баринъ больше искать.

Досталось Нестеру, дѣтямъ шестеру деньги ды адежонки, ды по лошаденки, а солдату у тово—все добро.

Иосифъ Калининковъ.

Р. ИВНЕВЪ,

ИГРА ТЪНЕЙ.

Когда Алеша посмотрѣлъ на очень яркое, будто приближенное къ землѣ, небо и на кавказскія, совершенно для него чудовищныя горы, онъ почувствовалъ какое-то странное, будто вызванное голодомъ, головокруженіе. И ему сейчасъ же вспомнились архангельскіе лѣса, бѣлыя, обволакивающія душу лѣтняя ночи и берегъ Сѣверной Двины, гдѣ прошлымъ лѣтомъ онъ работалъ на баржахъ. Было раннее утро, и поѣздъ, медленно плывшій среди вычурныхъ съ бѣлыми вершинами горъ, казался какимъ-то живымъ и многодумающимъ существомъ. И это было сущей правдой, а не фантазіей повѣствователя, ибо въ немъ было двадцать пять вагоновъ и въ каждомъ вагонѣ были живые, терзающіеся, думающіе, мечтающіе люди. Однимъ изъ многихъ былъ онъ, Алеша, архангельскій уроженецъ, а теперь солдатъ, одѣтый въ сѣрую, пахнущую табакомъ и углемъ солдатскую шинель. Вагоны съ ихъ тряской, опредѣленнымъ, пожалуй очень мудрымъ, языкомъ колесъ, располагаютъ всѣхъ, особенно мечтающихъ людей, къ нѣжной задумчивости и воспоминаніямъ. Алеша не составлялъ исключенія изъ этого несложнаго правила, и онъ, смотря на это до жуткости яркое и чужое небо и на острия, неровныя скалы, которыя точно собиравшись впитаться своими острыми краями въ несущіеся вагоны, вспоминалъ съ особенной яркостью и архангельскія ночи, и Бѣлое море, гдѣ ему приходилось путешествовать въ очень бурную погоду, и еще чье-то любящее и страшно далекое лицо, и все это казалось потерянными и уже нерадующими.

Вся эта жизнь съ каждодневными повтореніями, съ мелочами, съ учевьемъ, съ разговорами и такими случайностями, какъ перемена жизни, замѣна архангельской рабочей блузы сѣрою, теперь такою обычною, шинелью и пріѣздъ въ далекую и необычайную для него страну, въ самую гущину кавказскихъ горъ,—все это казалось незначительнымъ и не главнымъ Алешѣ, потому что въ его душѣ было что-то слишкомъ огромное, хотя и малообъяснимое, и оно занимало ужь очень много мѣста. И это малообъяснимое, если попытаться все объяснить, было въ сущности то, что Алеша звалъ обь ожидаемомъ огромномъ сраженіи и обь опасно-

стяхъ послѣдняго для жизни. Онъ не могъ представить себя почему-то переставшимъ существовать, и вотъ, думая обь этомъ, онъ начиналъ чувствовать одурманивающую прелесть даже неудобнаго среди тѣсноты и духоты вагона снѣжныя на твердой, пахнущей лакомъ и махоркой, скамейкѣ и одурманивающую прелесть мысли, возможности мыслить и чувствовать себя существующимъ и дѣйствующимъ.

И вотъ произошло совершенно неожиданное событіе, если можно назвать этотъ несчастный случай событіемъ, которое положило предѣлъ всѣмъ мыслямъ, терзаніямъ и чувствамъ.

Когда Алеша вышелъ на площадку, кусочки твердаго снѣга сейчасъ же облѣпили его розовое, нѣсколько утомленное лицо и придали особенную бодрость и мыслямъ, и движеніямъ. И ему такъ живо, точно на экранѣ кинематографа, представилось будущее сраженіе среди чужихъ для него, почти чудовищныхъ кавказскихъ горъ, и онъ ясно видѣлъ отдѣльныя лица совершенно никогда прежде не виданныхъ людей, которые хмуро и сосредоточенно стрѣляли другъ въ друга. И вдругъ его вниманіе особенно привлекла одна группа, которую онъ увидѣлъ такъ ясно, такъ ясно, какъ это бываетъ только въ настоящей, дѣйствительной жизни,—насколько мы можемъ ее уловить; она была освѣщена очень сильнымъ краснымъ свѣтомъ, будто отъ близко горящаго костра, и состояла изъ яростно (эта ярость была какая-то особенная, не живая ярость) дерущихся людей, мелькающей, разорванной, почему-то казавшейся свѣтло-коричневой, шапелы и мелькавшей, погубившей Алешу своимъ яснымъ мельканіемъ, сабли, которая вся, будто сдѣланная изъ синей эмали, медленно, какъ-то неестественно медленно опускалась надъ головой лежавшаго въ снѣгу очень блѣднаго, со вспыхивающими глазами человѣка.

Все это было какой-то нелѣпой и феерической галлюцинаціей, въ которой нелѣпая фантазія смѣшивалась съ какою-то дѣйствительностью, и долгъ справедливости требовалъ отъ повѣствователя сознанія, что при прохожденіи поѣзда мимо лѣсной, густо освѣженной скалы, при свѣтѣ зарож-

Н. Коровкинъ. Рисунокъ.

давагося утра, было что-то фантастическое въ игрѣ тѣ-ей. И пожалуй одно совѣтъ оснѣженное нагнувшееся де-во при не особенно внимательномъ разсмотрѣннн могло помнить своей формой увеличенную и утолщенную во много въ кавказскую саблю. Но пзъ всего этого совершенно не ѣдуетъ, что можно было съ такой легкостью, какъ это блалъ Алеша, сосредоточить все свое вниманіе на той „саблѣ“ и погибнуть такъ недѣло и странно.

Все, что послѣдовало затѣмъ, было такъ неожиданно и Алеша, что онъ даже не успѣлъ лишній разъ подумать въ Архангельскѣ и вспомнить о той, которая ждала его въращенія, каждый вечеръ молясь предъ тусклой, будто мящущейся, иконой.

А случилось вотъ что.

Алеша смотрѣлъ на воображаемое лицо, блѣдное презуръ, какое-то обычное, которое черезъ минуту (вспомните объ опускающейся саблѣ) должно было стать тусклымъ, жизненнымъ, и совершенно не зная, кому принадлежить о лицо (можетъ быть, и врагу), желая остановить этотъ

нелѣпый, тусклый, ужасный, опрокидывающнн ударъ, это неминуемое паденіе сабли, которая должна была погубить дышащее, бьющееся, изнемогающее лицо, неожиданно п рѣзко двинулся есѣмъ вздрагивающнмъ отъ утренняго холода тѣломъ куда-то впередъ, гдѣ синѣла и ослѣпляла своей снѣжностью и синевой страшная сталь, и, потерявъ ощущение твердости и опоры, черезъ секунду времени (о, развѣ теперь существовали секунды, минуты, пункты, параграфы времени!) Алеша уже лежалъ на холодныхъ стальныхъ рельсахъ, какъ комочекъ чего-то ненужнаго и лишняго для жизни, но комочекъ еще теплый и пахнущнн кровью, мучительно сплншейся массой, образовавшейся отъ снѣга и кусочковъ еще, казалось, дышавшей шипела. Холодное утро въ горахъ было такимъ же твердымъ и суровымъ, п я бы сказалъ еще —неумолчимымъ. И ничего, ничего не измѣнилось, а то, что было секунду назадъ Алешей, даже не успѣло подумать о своемъ Архангельскѣ и о той, которая ожидала его, каждый вечеръ молясь предъ тусклой, какъ бы томящейся, иконой.

Юриксъ Ивневъ.

ИННОКЕНТІЙ ОКСЕНОВЪ.

ЕЩЕ О МОЛОДЕЖИ *).

Г. Ястребовъ въ статьѣ „Зори грядущаго“ („Голосъ Жизни“, № 17) находятъ, что сейчасъ въ Россіи вовсе нѣтъ молодежи—есть только „молодые старики“. Къ такому же печальному выводу, во съ другой стороны, пришелъ и г. Антонъ Крайній (ibid.).

Мнѣ кажется, что г. Ястребовъ своеобразно идеализируетъ молодежь (результаты впрочемъ получаютъ неожиданные); г. Крайній, наоборотъ, ее недооцѣнваетъ. По мнѣнію г. Ястребова, въ русской молодежи совершается процессъ распада на единицы; молодые люди заняты якобы—каждый—культурой своего собственнаго мірка. „Старчество“ современной молодежи, по мнѣнію г. Ястребова, есть слѣдствие имъ же защищаемаго „индивидуализма“; по мнѣнію г. Крайняго, оно есть, напротивъ, причина этого направленія. Молодежь будто бы—не молодежь, а то же, но составившееся, поколѣніе 90-хъ годовъ, все еще переживающее старыя идеи.

Конечно необходимо отмѣтить, что именно сейчасъ, въ дни войны, какъ нельзя болѣе остро и болѣзненно переживается мыслящей молодежью проблема цѣнности личности; но до „личностнаго“ ли „самоутвержденія“ теперь, когда

*) «Г. Ж.» вернется къ темъ, затронутой настоящимъ письмомъ въ Редакцію.

Ред.

Иннокентій Оксеновъ.

МИХАИЛЬ САНДОМІРСКІЙ

ВЪРОЧКА,

... Цѣлыми днями сижу на диванѣ, курю папиросы и думаю.
О чемъ я думаю?
Не знаю.
Я смотрю на высокій бѣлый потолокъ комнаты.
Изрѣдка скользятъ на потолокъ тѣни, развлекаютъ меня
въ моемъ одиночествѣ.
Отъ папиросъ голова становится тяжелой...
Глаза мои смыкаются...
Но я не сплю.
Я думаю.

Я думаю, что было бы со мной, если бы Вѣрочка не ушла
на войну?
Быль бы я счастливъ?
Да, конечно!
То обстоятельство, что я остался здѣсь и не пошелъ
умереть за Россію, никто не можетъ мнѣ поставить въ вину.
Я признанъ негоднымъ для несенія воинской службы...
Но уже давно я думаю, что обязанъ былъ пойти добровольцемъ...
Не потому, что Вѣрочка тамъ, не потому...

Вѣрочка уѣхала 11-го... я не помню, въ сентябрѣ она уѣхала или раньше...

Помню: 11-го.

На вокзалѣ было много людей—всѣ они собрались проводить Вѣрочку задолго до отхода поѣзда.

На вокзалѣ я не нашелъ словъ, чтобы сказать ей то, что хотѣлъ...

Да я и не зналъ, нужно ли это.

Когда надо было садиться въ вагонъ, она на минутку подошла ко мнѣ.

Крестъ на груди Вѣрочки, нашитый только вчера, сиялъ, какъ кровь раненаго...

Это было очень тяжело... Я смотрѣлъ на крестъ...

А у самой Вѣрочки были голубые глаза.

— До свиданья! Пиши!

Я наконецъ взглянулъ ей въ лицо.

Вѣрочка была очень блѣдна.

Она нагнулась ко мнѣ совсѣмъ близко.

Мнѣ показалось, что она хотѣла поцѣловать меня.

Губы у нея, какъ всегда, когда мы цѣловались, тремучно вытянулись... но она лишь шепнула мнѣ на-ухо:

— Помни!

Кричали: „ура!“.

Поѣздъ медленно тронулся.

Я еще ничего не сказалъ Вѣрочкѣ.

Она стояла на площадкѣ вагона, махая бѣлымъ платкомъ.

Я бросился впередъ и крикнулъ:

— Прощай!

Боже, какъ не хотѣлъ я этого слова!

— До свиданья! Вѣрочка, до свиданья!

Я сижу на диванѣ и курю египетскія папиросы.

Воздухъ послѣ нихъ въ комнатѣ удушливо-сладкій.

На моемъ столѣ цѣлый ворохъ присланныхъ изъ редакціи книгъ и журналовъ.

Нужно дать о нихъ рецензію.

Но я не работаю.

Вчера звонилъ по телефону редакторъ:

— Семень Николаевичъ! Нельзя быть такимъ лѣнтяемъ!

Я отвѣтилъ ему, что боленъ.

Можетъ быть, я и боленъ...

Я вспоминаю день, когда комиссія признала меня негоднымъ.

Я пришелъ къ Вѣрочкѣ и сказалъ ей объ этомъ.

Но я не замѣтилъ въ ней радости.

Глаза у нея были какіе-то странные и смотрѣла она куда-то далеко.

— А я иду, Сеня!—сказала она мнѣ.—Иду сестрой милосердія.

На Невскомъ играла музыка.

Хоронили военнаго.

На крышкѣ гроба лежали измятая фуражка и шапка покойнаго.

Шли толпы народа.

И я шелъ со всѣми.

Вдругъ, не знаю отчего, мнѣ показалось, что все это—мистификація.

Не военнаго хоронили, нѣтъ,—въ гробу лежала Вѣрочка.

Но все это мнѣ только показалось.

Я зналъ, что этого быть не можетъ.

Отъ Вѣрочки нѣтъ писемъ.

Я напрасно читаю газеты, надѣясь найти въ нихъ что нибудь о сестрѣ Вѣрѣ Воейковой.

Вчера мнѣ бросилась въ глаза замѣтка:

„Нѣмецкіи развѣздъ захватилъ двухъ сестеръ милосердія и тутъ же пытался“...

(Мерзавцы! Неужели имъ все позволено?!)

... „Но сестры были отбиты подоспѣвшими казаками“.

Можетъ быть, одною изъ нихъ была Вѣрочка...

Прешлой ночью Вѣрочка пришла ко мнѣ.

Она стояла возлѣ моей кровати, совсѣмъ близко, только всегда она была очень высокой, а теперь стала низенькой.

Она сказала мнѣ:

— Сеня, тебѣ не холодно?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

Она улыбнулась и пропала.

О вѣрочкиной смерти я узналъ вчера.

Прошли сутки, а мнѣ кажется, будто годъ прошелъ, и я уже свыкся съ этимъ горемъ.

Нехорошо поступаютъ мои знакомые, которые для чего-то навѣщаютъ меня и смотреть на меня такъ жалостливо, точно это я замученъ нѣмцами.

— Семень Николаевичъ, вамъ письмо!

И мнѣ подають письмо въ маленькомъ сѣромъ конвертѣ...

На конвертѣ адресъ написанъ рукою Вѣрочки...

Я читаю письмо:

„Дорогой Сеня, вѣроятно мы скоро увидимся, меня командируютъ“...

А что говорить число, проставленное внизу?

Число это говоритъ, что письмо шло больше трехъ недѣль.

Михаилъ Сандомірскій.

ВѢСТИ И МНѢНІЯ.

I. Трizza по Достоевскомъ.

Недавно въ Александровскомъ залѣ городской думы былъ вечеръ, посвященный Достоевскому. Пять профессоръ (на афишѣ значилось семь) говорили рѣчи, стараясь всячески выяснитъ образъ и значеніе Достоевскаго. Залъ былъ полнъ, было страшно жарко, и такъ какъ не всякій профессоръ—хорошій ораторъ, то и слушать было трудно и плохо. Но публика собралась молодая и горячая—она хлопала всѣмъ и за все, не думая, что этимъ самымъ восторгомъ принижаетъ память Достоевскаго какъ великаго художника слова.

Наиболѣе обширную и, если хотите, оригинальную рѣчь произнесъ акад. В. М. Бехтеревъ, подтвердивъ еще лишній разъ, что литература есть обширная, громадная специальная область и что по вопросамъ критики и величайшій научный авторитетъ можетъ оказаться въ положеніи невиннаго младенца. Проф. Бехтеревъ провозгласилъ Достоевскаго творцомъ художественной психопатологии, вспомнилъ по поводу его романовъ о „Хижинѣ дяди Тома“ и постарался все творчество Достоевскаго свести къ „общественно-воспитательной роли“! Въ этой рѣчи было слишкомъ много неожиданнаго: и то, что Леонидъ Андреевъ—наслѣдникъ Достоевскаго, и то, что имъ создана „кунсткамера“ („ненормальный“ Ив. Карамазовъ и др.). Вся эта клиническая схема слишкомъ поражала слушателя, слишкомъ далека была отъ дорогаго намъ Достоевскаго—художника.

Хочется поставить рядомъ рѣчи С. А. Венгерова и В. Н. Сперанскаго, — несмотря на громадную разницу въ построеньи, въ обѣихъ ихъ было большое внутреннее единство. Обѣ рѣчи связало въ одно пренебреженіе ораторовъ къ литературѣ какъ таковой. И цѣль ихъ была достигнута блестяще: мы слышали много о Достоевскомъ — славянофилѣ, психопатологѣ, сверхнаціоналистѣ, о Торквемадѣ и русской интеллигенціи, о Бичеръ-Стоу и прекращеніи продажи питей и еще о многомъ другомъ, — но никто изъ ученыхъ не говорилъ о Достоевскомъ - художникѣ, Достоевскомъ - великомъ русскомъ романистѣ.

Въ одномъ изъ писемъ къ брату (27 авг. 1849 г.) Достоевскій писалъ о „педантизмѣ, свойственномъ всѣмъ ученымъ вообще“. Думскій вечеръ оправдалъ эту фразу. А между тѣмъ сколько жаждавшихъ живого слова пришло къ нимъ, — мудрено ли, что послѣ такой трапезы многіе постепенно начнутъ утрачивать вкусъ къ „большому“ искусству?

II. Вечеръ новаго русскаго романса.

Недавно въ Маломъ залѣ консерваторіи состоялся вечеръ Зои Лодіи и Ирины Миклашевской, посвященный русской современной вокальной музыкѣ.

Наибольшій интересъ возбуждаютъ пѣсенки И. Стравинскаго, В. Каратыгина и И. Миклашевской. У Стравинскаго весьма любопытенъ выборъ словъ, — особенной звучностью и характерностью отличается „Чичеръ-ячеръ“ — прелестная пѣсенка широкаго размаха и чисто-народнаго склада. В. Каратыгинымъ удачно подожена на музыку извѣстная скорого-

ворка „Ай ду-ду“, а „Погѣнная колыбельная“ И. Миклашевской—милая бездѣлка, непритязательная и искренняя (текстъ композитора).

Менѣе удачны дѣтскія пѣсни Черепнина (на тексты Фофанова и Бальмонта); воздушно, исключительное по простотѣ стихотвореніе Блока „Вербочки“ стало слишкомъ земнымъ, огузилось отъ музыки Ю. Базилевскаго. Надо вообще замѣтить, что теперь часто тексты побуждаютъ композитора своею значительностью и совершенствомъ—такъ было и на этомъ вечерѣ со всѣми романсами на слова Ѳ. Тютчева (музыка Черепнина, Цыбульскаго и Щербачева). Думается, что это лишь—законная реакція на долговременное пренебреженіе текстомъ; постепенно увлеченія сгладятся, и выборъ словъ, не возвращаясь къ минувшей вульгарности, снова станетъ зависѣть болѣе отъ сердца композитора, чѣмъ отъ степени его начитанности.

Совершенно особый уголокъ въ концертѣ составилъ миниатюры на тексты Вяч. Иванова, японскихъ лириковъ и китайскаго поэта Ли-Тай-По. Японская сюита Д. Вигдала, написанная на граціозныя двустипшія, обладаетъ какимъ-то особеннымъ, воздушнымъ очарованіемъ; впечатлѣніе отъ нея и мимолетно, и въ то же время глубоко. Интересна „Алая роза“ Ю. Вейсберга, трогаящая полнымъ внутреннимъ сліяніемъ словъ и музыки въ одно плѣнительное цѣлое. О Зои Лодіи, какъ исполнительницѣ, мнѣ уже приходилось писать въ нашемъ журналѣ—и на этомъ вечерѣ она показала тонкій музыкальный вкусъ и отличную школу. Быть можетъ, въ ея исполненіи дѣтскихъ пѣсенъ порой прорывалась хрупкая, болѣзненная печаль, и это излишне осложнило изъ безхитростность, но все же нельзя и это поставить ей въ вину. Въ японскихъ и китайскихъ миниатюрахъ Лодія показала себя крупной, стильной художницей, одной изъ столь немногихъ достойныхъ представительницъ совершенно заброшеннаго у насъ камернаго жанра. Современная поэзия и музыка, ихъ недоговоренность, стыдливая печаль и недоувѣрчивая, робкая радость, вся ухищренная осложненность нашей души, — все это нашло въ Зои Лодіи чуткую, глубоко-одаренную свою истолковательницу. Въ Ирину Миклашевскую повезло сыскать и отличную пианистку, и оригинальнаго композитора (особенно интересенъ „Отрокъ“ на слова Кузмина).

На этомъ вечерѣ мы услышали и много новаго, и много талантливаго—явленіе не слишкомъ частое вообще, и въ кончающемся сезонѣ въ особенности. Вотъ почему этотъ концертъ и долженъ быть отмѣченъ какъ отрадное, выдающееся явленіе въ нашей художественной жизни.

Димитрій Крючковъ.

Поправки.

1. Въ № 20 вкралась досадная опечатка: подъ рисункомъ Г. Верейскаго (на стр. 13) ошибочно напечатано „Изъ альбома художника П. Митуряча“.

2. Помѣщенная въ № 14 „Голоса Жизни“ замѣтка о книгѣ Осипа Дымова „Бѣгушіе креста“ попала въ печать по недосмотру. На титульномъ листѣ романа обозначено первоначальное заглавіе („Томленіе духа“), подъ которымъ это произведеніе печаталось въ альманахѣ «Шиповникъ».

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА

необходимо сообщить новый адрес и обязательно ПРИЛАГАТЬ ТРИДЦАТЬ (30) коп. почтовыми марками и **СТАРЫЙ АДРЕСЪ**, наклеиваемый на оболочку журнала, или сообщать его письменно.

Лицамъ, желающимъ составить съ помощью самой незначительной затраты **ИНТЕРЕСНУЮ** и **РАЗНООБРАЗНУЮ БИБЛИОТЕКУ**, издательство А. А. Каспари предлагаетъ въ огромномъ выборѣ остатки изданій историческихъ и современныхъ романовъ, повѣстей и рассказовъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей

по особу УДЕШЕВЛЕННОЙ цѣнѣ.

Авантюристка. Историческ. ром. В. Свѣтлова. 197 стр. П. 30 к. Басуликины внушения. Пов. Е. О. Дубровиной. П. 15 к. Безкровная мечь. Истор. ром. Е. О. Дубровиной. 264 стр. П. 30 к. Безъ права. Ром. М. Жеребковой. Фей. Пов. А. Д. Апраксина. 123 стр. П. 40 к. Блужние. Ром. И. А. Строева-Поллина. 128 стр. П. 25 к. Воевая страда (отъ Плевны до Шипки). Романъ въ 3 ч. В. И. Немировича-Данченко. П. 50 к. Вольныя вѣтви. Ром. М. Жеребковой. 112 стр. П. 25 к. Вѣликоіи, В. Г. Его жизнь и значеніе для русской литературы и русскаго общ. П. 15 к. Вздушеніе. Разск. И. Волковского. 94 стр. П. 20 к. Во власти золота. Ром. Л. А. Чарской. 176 стр. П. 25 к. Впередъ. Ром. Вас. Немировича-Данченко. 308 стр. П. 35 к. Въ вратахъ эдема. Ром. В. Я. Свѣтлова. 124 стр. П. 30 к. Въ добрый путь. Ром. А. А. Соколова. 240 стр. П. 30 к. Въ дѣлу пожаровъ. Истор. ром. В. А. Радича. 230 стр. П. 30 к. Въ пасти дракона. Романъ А. И. Красницкаго. 640 стр. П. 1 руб. Въ паутинѣ. Пов. С. А. Митлашевской. П. 15 к. Въ столичномъ туманѣ. Угол. романъ Л. А. Чернаго. П. 20 к. Въ паутинѣ любви. Уголовн. ром. Н. Э. Гейнце. 284 стр. П. 40 к. Въ чуждѣ любви. Ром. С. А. Митлашевской. 272 стр. П. 50 к. Въ чуждѣ гнѣздѣ. Ром. С. А. Митлашевской. 208 стр. П. 40 к. Гдѣ Богъ и правда. Истор. пов. П. Н. Полевого. 236 стр. П. 30 к. Господа коммерсанты. Ром. А. Пазулина. 168 стр. П. 25 к. Гордая воля. Ром. К. В. Назарьевой. 160 стр. П. 25 к. Горный ручей. Пов. И. И. Ясинскаго. 240 стр. П. 30 к. Слова Византии. Истор. романъ А. И. Красницкаго. П. 35 к. Грѣхъ прошлаго. Ром. А. Пазулина. 128 стр. П. 30 к. Губа богатыря. Истор. ром. А. И. Красницкаго. 208 стр. П. 30 к. Дѣятели. Ром. А. Д. Апраксина. 224 стр. П. 30 к. Дѣя общаго блага. Повѣсть М. С. Серафимова. 312 стр. П. 60 к. Добрый геній. Ром. А. Д. Апраксина. 192 стр. П. 25 к. Дорогою цѣною. Ром. А. Д. Апраксина. 136 стр. П. 30 к. Дѣла отечества. Романъ И. А. Строева-Поллина. 272 страницы П. 45 к. Душунка Ларюнь. Романъ А. А. Соколова. 352 стр. П. 30 к. Дѣти-невольники. Повѣсть А. Е. Зарина. — На шаткой почвѣ. Ром. М. Ф. Караулова. — По исполнительному листу. Пов. А. П. Лаврова. 312 стр. П. 35 к. Вертва Ваала. Романъ М. Ф. Жеребковой. 128 стр. П. 25 к. Жертва трехъ честолобій. Истор. ром. Е. Дубровиной. П. 30 к. Жестокое испытаніе. Истор. ром. А. А. Арсеньева. 216 стр. П. 30 к. Завѣтъ матери. Пов. М. Ф. Жеребковой. П. 15 к.	Заморскій выходець. Историческій романъ Н. Н. Алексѣева. 272 стр. П. 30 к. Зарево. Ром. В. А. Радича. П. 25 к. Зароднужировъ. Ром. Р. Л. Смѣльскаго. 264 стр. П. 40 к. Защитникъ угнетенныхъ. Уголовн. ром. И. Н. Кономарова. 198 стр. П. 25 к. Змѣя въ кольцѣ. Ром. А. И. Лаврова. 192 стр. П. 40 к. Золотая фея. Уголовн. ром. А. И. Соколова. 152 стр. П. 30 к. Игра судьбы. Ром. О. Вороиной. 152 стр. П. 40 к. Измѣнникъ. Истор. ром. Н. Н. Алексѣева. 128 стр. П. 40 к. Историческіе рассказы. С. Н. Терпигорева. 375 стр. П. 30 к. Ищите и найдете. Истор. ром. кн. М. Н. Волконскаго. П. 50 к. Иахиль. Трагедія. — На хострѣ. Трагедія. — Не устоялъ Фарсъ. 168 стр. П. 20 к. Князь Борисъ Тишинъ. Ром. Е. И. Зариной. 184 стр. П. 30 к. Князь Дмитрій Донской. Истор. ром. А. В. Арсеньева. П. 30 к. Князь Михаилъ Вышневецкій. Истор. ром. І. Крашевскаго. 424 стр. П. 35 к. Красная княгиня. Ром. А. Лаврова. 192 стр. П. 30 к. Кровью, огнемъ и желѣзомъ. Истор. ром. А. А. Соколова. 192 стр. П. 60 к. Кулисы. Романъ Вас. И. Немировича-Данченко. 128 стр. П. 30 к. Курскіе порубежники. Истор. романъ В. Л. Маркова. П. 35 к. Къ солнцу. Современный романъ Л. А. Чарской. 168 стр. П. 25 к. Легкія деньги. Ром. въ 2 част. К. В. Назарьевой. П. 30 к. Лишнія чувства. Повѣсть. — По-новолѣ. Разск. Д. Д. Минаева. 216 стр. П. 30 к. Ложный слѣдъ. Романъ А. Е. Зариной. 216 стр. П. 30 к. Любовь. Ром. Е. О. Дубровиной. 136 стр. П. 25 к. Манджурское золото. Уголовный романъ А. И. Лаврова. Пѣна 40 коп. Маринка-безбожница. Историч. ром. П. Н. Полевого. П. 30 к. Маффиа-царство зла. Угол. ром. А. И. Соколова. 288 стр. П. 40 к. Между долгомъ и счастьемъ. Романъ В. А. Пинчука. П. 30 к. Молодыя силы. Повѣсть В. К. Булгакова. 276 стр. П. 25 к. Мощь женскаго сердца. Романъ Е. О. Дубровиной. П. 25 к. Мститель. Ром. К. В. Назарьевой. 264 стр. П. 30 к. Муза. Ром. — Пять повѣстей и разск. І. Ясинскаго. 228 стр. П. 30 к. На зарѣ новыхъ дней. Истор. ром. Н. Н. Алексѣева. 216 страницъ П. 40 к. На нивѣ народной. Пов. М. С. Серафимова. 424 стр. П. 40 к. На огонекъ рампы. Очерки О. Н. Чюминой. 128 стр. П. 25 к. На роковомъ просторѣ. Истор. романъ П. Н. Полевого. П. 25 к. Неравный бракъ. Романъ В. Я. Свѣтлова. 296 стр. П. 40 к. Нечистая сила. Ром. І. И. Ясинскаго. 262 стр. П. 30 к. Ни та-ни другая. Ром. А. Круглова. 192 стр. П. 25 к.	Новгородская вольница. Истор. ром. Н. Гейнце. 228 стр. П. 30 к. Новые повѣсти и рассказы. 1) У Тарасовой горы. 2) Около пѣтловъ. 3) Не поняли. 4) Степанъ Ивановичъ. П. 30 к. Новый человѣкъ. Пов. А. А. Соколова. 248 стр. П. 40 к. Новыя пѣсны. Ром. В. Я. Свѣтлова. 256 стр. П. 50 к. Опальный. Истор. ром. въ 2-хъ част. Е. О. Дубровиной. П. 30 к. Ординарный профессоръ. Пов. І. Ясинскаго. 228 стр. П. 30 к. Отецъ. Пов. В. Пинчука. П. 15 к. Отецъ Алексѣй изъ Зозерья. Ром. А. А. Соколова. П. 30 к. Передъ бурей. Истор. ром. В. А. Радича. 180 стр. П. 25 к. Пе тербурскіе гадалки, знахари и юродивые. П. 15 к. Побѣжденное сердце. Ром. И. Н. Вязовскаго. П. 30 к. Подъ властью тьмы и свѣта. Ром. А. И. Лаврова. П. 1 р. Подъ внезапной грозой. Современ. ром. И. А. Строева-Поллина. 200 стр. П. 40 к. Подъ волнами Иматры. Уголовн. романъ А. П. Лаврова. 208 стр. П. 40 к. Подъ гнетомъ застоя. Повѣсть Е. Дубровиной. — Побѣжденный. Этюдъ В. Я. Свѣтлова. — Загробная сила. Разск. Е. Дубровиной. 118 стр. П. 15 к. Подъ капитанами и Современная Царца. Дѣв. пов. Е. О. Дубровиной. 184 стр. П. 25 к. Подъ корень. Ром. А. Е. Зарина. Пѣна 30 к. Подъ святымъ крестомъ. Ром. А. И. Лавинцева. П. 40 к. Покинутый. Ром. А. А. Соколова. 144 стр. П. 35 к. По наклонной плоскости. Ром. К. В. Назарьевой. 238 стр. П. 30 к. По призванію. Ром. В. Я. Свѣтлова. 208 стр. П. 30 к. Потомки титановъ. Истор. ром. К. В. Назарьевой. 192 стр. П. 25 к. По стопамъ Великаго Петра. Истор. ром. Красницкаго. П. 50 к. Потрешенныя тѣни. Разсказы С. Атавы (Терпигорева). П. 30 к. Позднѣ-последніи. Истор. пов. М. Никольскаго. 128 стр. П. 30 к. Право сильнаго. Ром. Л. А. Чарской. 168 стр. П. 25 к. Право сильнаго и Великое наследство. Дѣв. повѣсти Е. О. Дубровиной. 160 стр. П. 50 к. Предсказаніе ворожеи. Истор. романъ С. П. Киснемскаго. П. 20 к. Привычка. Пов. В. Муйжеля. — Отливъ. Разск. П. 20 к. Привязанный къ бояршиной. Истор. ром. А. А. Соколова. 214 стр. П. 60 к. Промыселъ Божій. Пов. І. И. Крашевскаго. П. 30 к. Провѣтъ. Пов. В. А. Рышкова. 192 стр. П. 25 к. Путеводная звѣзда. Ром. А. Пазулина. 224 стр. П. 30 к. Пушкинъ, А. С. Его жизнь и произведенія. П. 15 к. Разбитая жизнь. Ром. въ 2 част. Е. Зариной. 228 стр. П. 30 к. Расплата. Ром. — Тайна. Разсказъ В. Я. Свѣтлова. 240 стр. П. 30 к.	Ренегатъ. Ром. А. И. Красницкаго. 320 стр. П. 60 к. Рождена быть принцессой. Ром. В. Мейеръ. П. 35 к. Роговая ошибка. Романъ К. Л. Гренъ. 184 стр. П. 25 к. Россия подъ скипетромъ Дома Романовыхъ. Истор. очеркъ А. А. Соколова, съ портр., карт. и родословной таблиц. П. 50 к. Свѣтъ во мракѣ. Пов. и разск. В. И. Немировича-Данченко. П. 40 к. Свѣтъ погасъ. Ром. І. И. Ясинскаго. 192 стр. П. 30 к. Семья Колѣвниныхъ. Романъ кн. М. Волконскаго. 168 страницъ П. 25 к. Сердце скажетъ. Ром. І. И. Ясинскаго. 240 стр. П. 30 к. Сестра милосердія. Истор. ром. А. Соколова. 624 стр. П. 1 р. 50 к. Сила неотразима. Ром. А. Папулова. 192 стр. П. 40 к. Сильфиды. Истор. ром. въ 3 част. И. Потапенко. 400 стр. П. 35 к. Сирена. Истор. ром. кн. М. Н. Волконскаго. 288 стр. П. 50 к. Слово и дѣло. Ром. И. Н. Потапенко. 240 стр. П. 30 к. Сожженные степи. Истор. ром. А. А. Соколова. П. 60 к. Солнце встанетъ. Романъ Л. А. Чарской. 160 стр. П. 30 к. Столичные тайны. Ром. А. И. Лаврова. 478 стр. П. 1 р. Съ живого кожу. Историч. ром. А. А. Соколова. П. 60 к. Сѣрые герои. Романъ А. Е. Зарина. 240 стр. П. 30 к. Тайна. Романъ А. А. Соколова. П. 30 к. Тайный врагъ. Истор. ром. Н. Н. Алексѣева. 192 стр. П. 30 к. Тальянская чертова. Истор. пов. П. Н. Полевого. 212 стр. П. 30 к. Тамъ и здѣсь. Ром. И. А. Строева-Поллина. 176 стр. П. 40 к. Татарскій отрывскъ. Истор. ром. Н. Н. Алексѣева. 282 стр. П. 35 к. Театральныя болота. Ром. А. А. Соколова. 336 стр. П. 1 р. 50 к. Темный блескъ. Романъ В. Я. Свѣтлова. 160 стр. П. 35 к. Тихія радости. Ром. А. Д. Апраксина. 166 стр. П. 35 к. Тяжелымъ путемъ. Разсказъ И. Митропольскаго. 112 стр. П. 20 к. Убийство на постояломъ дворѣ. Романъ І. И. Ясинскаго. П. 35 к. Удасяся-ли? Пов. В. Григорьева. 272 стр. П. 30 к. У Покрова въ Левшинѣ. Пов. графа П. А. Валуева. П. 25 к. Утопія. Повѣсть В. Я. Свѣтлова. П. 15 к. Учитель. Повѣсть І. И. Ясинскаго. 104 стр. П. 20 к. Царица хунхузовъ. Ром. А. И. Лаврова. 160 стр. П. 40 к. Царскій соколъ. Истор. разсказъ А. Е. Зарины. — Отживающіе типы. Разсказы Е. О. Дубровиной. — Комедійное дѣйство. Пов. XVIII в. Якимова. П. 40 к. Царь-работникъ. Истор. ром. Н. Н. Алексѣева. 248 стр. П. 40 к. Черезъ двадцать лѣтъ. Ром. Е. Дубровиной. 204 стр. П. 30 к. Чудная. Романъ Е. Дубровиной. 181 стр. П. 25 к. Чудо-богатыри. Истор. ром. А. И. Красницкаго. 208 стр. П. 50 к.

Требованія и деньги адресуются: С.-Петербургъ, Лиговская улица, д. № 114; КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО А. А. КАСПАРИ.

Книги высылаются также и наложеннымъ платежомъ, но не менѣе, какъ на одинъ рубль, причѣмъ при выпискѣ книгъ съ наложеннымъ платежомъ необходимо выслать въ задатокъ половину стоимости всего заказа. За каждое требованіе съ наложеннымъ платежомъ прибавляется девять коп. къ стоимости книгъ.

Цѣны на всѣ объявленныя здѣсь книги назначены съ П. ЕСЫЛКОЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ (БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ И ФИЛОСОФСКИХЪ)

Л. Н. ТОЛСТОГО

подъ общей редакцией Д. В. ФИЛОСОВОА, въ 82-хъ КНИГАХЪ (до 9.000 стран. текста въ 1/2 долю листа), напечатанныхъ на высококачественной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Въ изданіи будутъ приложены портреты автора, воспроизведенные на мѣловой бумагѣ, и его биографія. Обложка художника Д. И. Митрохина.

Въ изданіе войдутъ ВСѢ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО, а именно:

РОМАНЫ И ПОВѢСТИ.— „Война и Миръ“, „Анна Каренина“, „Крейцерова соната“, „Воскресеніе“, „Дѣтство, отрочество и юность“, „Казакъ“, „Утро помѣщика“, „Семейное счастье“, „Декабристы“, „Записка маркера“, „Два гусара“, „Моликушма“, — **РАЗСКАЗЫ.**— „Павлычъ“, „Севастополь“, „Рубка лѣса“, „Бстрѣча въ отрядѣ“, „Метель“, „Альбертъ“, „Люцернъ“, „Три смерти“, „Холостомѣръ“, „Тихонъ и Маланья“, „Идиллія“, „Смерть Ивана Ильича“, „Хозяинъ и работникъ“, „Корней Васильевъ“, „За что?“, „Ягоды“, „Планы на каровый“.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.— „Власть тьмы“, „Плоды просвѣщенія“, „Живой трупъ“, „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ“, „Отъ ней всѣ качества“.

ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.— „Хаджи Муратъ“, „Отецъ Сергій“, „Дьяволъ“, „Послѣ бала“, „Фальшивый купонъ“, „Алеша Горюховъ“, „Зеленая палочка“, „Записки сумасшедшаго“, „Два спутника“, „Кто правъ?“, „Отецъ Василій“, „Кто убійца?“, „Еромомахъ Исидоръ“, „Холмынка“ и проч.— **ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ ДЛЯ НАРОДА.**— „Чѣмъ люди живы“, „Первый винокуръ“, „Ходите въ свѣтъ“, „Кающийся грѣшникъ“ и проч. 32 произведенія.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСІЯ СОЧИНЕНІЯ.— „Исповѣдь“, „Въ чемъ моя вѣра?“, „Христіанское ученіе“, „Ученіе Христа, изложенное для дѣтей“, „Что такое религія“, „Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность“ и проч. статьи 80-хъ и 90-хъ гг.— **ПРИБЛЪЖЕНІЯ ЧТЕНІЯ.**— **СТАТЬИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ**, а также объ искусствѣ, литературѣ, критическія.— **ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ** и пр. и пр.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО БУДЕТЪ ДАНО ВЪ 1915 ГОДУ

ВЪ ВИДѢ БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ СЛѢДУЮЩИМЪ ЖУРНАЛАМЪ:

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

Годъ над. II.

„Голосъ Жизни“— первый русскій ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ еженедѣльникъ, поставившій себѣ цѣлью соединить художественность съ занимательностью, серьезность — въ общедоступностию.

Въ каждомъ номерѣ „Голосъ Жизни“ помѣщаются рассказы, стихи, статьи талантливыхъ представителей всѣхъ литературныхъ теченій и не менѣе двадцати иллюстрацій.

Въ литературѣ „Голосъ Жизни“ стремится къ широкой объективности, а въ публицистикѣ — къ объединенію демократическихъ и прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества. Углубленное толкованіе современныхъ событій, подготовленіе русскаго общества къ предстоящей творческой работѣ — таково основное стремленіе „Голосъ Жизни“.

„Голосъ Жизни“ — богато иллюстрированъ и даетъ тонкохудожественный матеріалъ, равно какъ и фотографическія снимки съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ новаго года „Голосъ Жизни“ выходитъ при ближайшемъ участіи Д. В. Филосова.

Въ „Голосъ Жизни“ помѣщаются стихотворенія и рассказы: С. Андреевскаго, С. Ауслендера, В. Бестужева, А. Блока, В. Брусикина, В. Ворохутинскаго, З. Гиппиуса, С. Городецкаго, Л. Добронравова, Бориса Зайцева, Георгія Иванова, В. Карачаровой, Д. Крачковскаго, Д. Крючкова, А. Ремизова, В. Рошнина, Ю. Славкина, П. Соловьева, Ф. Сологуба, А. Чапыгина, Ив. Шмелева, К. Эрберга и др.

Въ „Голосъ Жизни“ помѣщаются статьи: Б. Веселовскаго, Владиміра Гиппиуса, В. Ирецкаго, В. Каратыгина, проф. А. Карташева, Н. Коробки, проф. М. Курчичскаго, Антона Крайнего, Д. Левака, П. Лернера, Д. Лозера, Д. Мережковского, Д. Новорусскаго, Е. Семенова, И. Славинскаго, проф. И. Соколова, Ю. Славинскаго, проф. М. Туганъ-Барановскаго и др.

Въ „Голосъ Жизни“ принимаютъ участіе художники: Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Ф. Бруни, И. Добужинскій, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, И. Ночитайло-Андріенко, И. Рерихъ, И. Смирновъ, А. Соборовъ, С. Чехонинъ, В. Яннуверъ и др.

Подписчики „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ получаютъ:

52 №№ художеств.-литературн. журнала и **82 КНИГИ** ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ВСѢХЪ СОЧИНЕНІЙ **Л. Н. ТОЛСТОГО.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой 8 р. 50 к. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го юня—2 р., къ 1-го августа—1 р.

Принимается подписка на журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ безъ книгъ Л. Н. Толстого.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ—4 р. 50 к., за полгода—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к.

Пробы номера—20 коп. съ пересыл. При подпискѣ указывать избранный журналъ и число книгъ и адресовать Акц. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ: 1) Лиговская, д. 114, и Садовая, д. 20.

„ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“

(10-й г. изд.)

„ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“ — еженедѣльный иллюстрированный ЖУРНАЛЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, дающій въ теченіе года

52 №№ ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА съ массою рисунковъ, иллюстрирующихъ ТЕКУЩІЯ ВОЕННЫЯ и проч. событія мировой жизни, съ интересными рассказами—новинками русской и иностранной литературы и проч. ПРИ НЕМЪ ВЫЙДУТЪ

66 ПРИЛОЖЕНІЙ

52 №№ юмористич. „СМѢХЪ И САТИРА“, а также 12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“ (моды и домовод.), ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ на 1916 г. изданная КАРТИНА-ПРЕМІЯ—„СВИДАНІЕ“ к

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ВСѢХЪ СОЧИНЕНІЙ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересыл. 7 р. 50 к. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р., къ 1-го марта—1 р. 50 к., къ 1-го юня—1 р. 50 к., къ 1-го августа—1 р. 50 к.

Принимается УДЕШЕВЛЕННАЯ подписка на „ВСЕМИРНУЮ НОВЬ“ съ 66-ю ПРИЛОЖЕНІЯМИ и **50 КНИГАМИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ** РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ДРАМЪ **Льва Ник. ТОЛСТОГО**

(т. е. за исключен. его философск. произведеній) ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ перес. **ШЕСТЬ (6) руб.** ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ—**ДВА (2) р.**, къ 1-го марта—1 р. 50 к., къ 1-го юня—1 р. 50 к., къ 1-го августа—1 руб.

Необходимо при уплатѣ ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА точно указать, желаетъ ли получить журналъ „ОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ Л. Н. ТОЛСТОГО, или безъ книгъ Л. Н. Толстого.

Ввиду высокой цѣнности для культурнаго міра творчества Л. Н. Толстого будетъ обращено особое вниманіе на тщательность печати и издѣлство ИВЪШНАГО ВИДА ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ЕГО СОЧИНЕНІЙ.